

ГИЛЛЕЛИЗМЪ.

Проектъ рѣшенія еврейскаго вопроса.

I.

Читатели евреи! Во имя будущности десятиллионной массы нашихъ братьевъ, повсюду гонимыхъ и презираемыхъ, страдающихъ уже такъ много столѣтій и обреченныхъ повидимому еще на дальнѣйшія страданія безъ какого-либо предвидимаго конца, мы позволяемъ себѣ обратиться къ Вамъ съ предложеніемъ, для котораго мы просимъ вашего благосклоннаго вниманія.

Но обращаемъ ваше вниманіе на то, что вы услышите отъ насъ слова новыя, къ которымъ ухо ваше еще не привыкло. Просимъ васъ поэтому не судить о предлагаемомъ нами дѣлѣ по тому первому впечатлѣнію, которое оно произведетъ, можетъ быть, на ваше непривычное ухо, а серьезно и безпристрастно обдумать и прочувствовать его. Сіонисты въ первую минуту, можетъ быть, закроютъ свои уши на слова наши, полагая, что мы еще не достаточно созрѣли въ еврейскомъ патріотизмѣ, чтобы понять все значеніе Сіонизма; мы должны поэтому замѣтить, что мы когда-то сами принадлежали къ самымъ горячимъ Сіонистамъ и были таковыми уже въ то время, когда большинство теперешнихъ Сіонистовъ еще стояло совершенно вдали отъ этого движенія; и мы отказались отъ этой идеи не вслѣдствіе недостаточной любви къ ней, а только вслѣдствіе неумолимыхъ доводовъ разума, которые окончательно убѣдили насъ, что Сіонизмъ есть только увлекательный плодъ недостаточнаго пониманія сущности еврейскаго вопроса и что онъ этого вопроса ни на волосъ не ослабитъ даже въ томъ случаѣ, еслибы мечта эта и могла когда-либо осуществиться. На рутинеровъ непривычное предложеніе наше въ первую минуту произведетъ, можетъ быть, впечатлѣніе чего-то химерическаго; но если они хорошо вдумаются въ слова наши, они легко убѣдятся, что идея наша вызвана, напротивъ, именно рядомъ разочарованій и желаніемъ положить наконецъ предѣлъ безконечному кормленію народа нашего безплодными фантазіями въ родѣ мессіанизма набожной массы, Сіонизма, искусственныхъ фальшивыхъ компромиссовъ и т. п. Цѣль наша состоитъ именно въ томъ, чтобы дать нашимъ страдающимъ братьямъ исходъ реальный, практической, нѣчто осязательное, ясно и легко исполнимое и при томъ не въ отдаленномъ сомнительномъ будущемъ, а уже теперь, безусловно, безъ колоссальныхъ капиталовъ и сверхъестественныхъ сил. Во имя чего мы страдаемъ и обрекаемъ на страданія дѣтей нашихъ? Когда дѣти наши задаютъ намъ этотъ вопросъ, почва подъ нашими ногами колеблется и мы начинаемъ давать самые запутанные и софистическіе отвѣты. Но людямъ интеллигентнымъ не подобаетъ подставлять свою спину подъ удары бессознательно, а людямъ благороднымъ не подобаетъ обречь на безконечное гоненіе и презрѣніе дѣтей своихъ и цѣлый рядъ потомства своего съ индифферентною беззаботностью, не уясняя себѣ, къ чему и во имя чего это дѣлается. И такъ кто мы такіе и во имя чего мы страдаемъ?

Когда предки наши были еще людьми глубоко вѣрующими, отвѣтъ на поставленный выше вопросъ былъ вполне ясенъ: „Всѣ люди, исповѣдующіе „единственно истинную“ религію, т. е. еврейскую, составляютъ одинъ народъ братьевъ, гдѣ бы они ни жили, какимъ бы языкомъ они ни говорили и откуда бы они ни происходили, ибо всѣ эти земные вопросы не имѣютъ никакого значенія передъ вопросомъ главнымъ, т. е. вопросомъ о религіи. Всѣ же не исповѣдующіе еврейской религіи совершенно намъ чужды, хотя бы они цѣлыя сотни лѣтъ жили съ нами на одной землѣ, имѣли бы съ нами одинъ разговорный языкъ (напримѣръ нѣмцы христіане съ нѣмецкими евреями, испанцы христіане съ совершенно обиспанившимися испанскими евреями), или хотябы они имѣли несомнѣнно одинаковое съ нами происхожденіе (напримѣръ разные семитическіе народы)“. Почему и къ чему мы страдаемъ? „Потому что такъ Богъ велѣлъ; но придетъ Мессія и т. д. и т. д.“ Во имя чего мы страдаемъ? „Во имя святой правды“. Эти отвѣты были на столько ясны и удовлетворительны, что съ ними можно было смѣло душою ходить на костры и переносить всѣ утонченныя муки инквизиціи; эти отвѣты отецъ могъ смѣло давать своимъ дѣтямъ и не только вполне удовлетворяютъ ихъ, но сознавать, что совѣсть его передъ ними вполне чиста.

Но когда стѣны гетто стали падать, когда евреи подобно другимъ народамъ стали проникаться свѣтскимъ образованіемъ и религіозныя вѣрованія наши начали слабѣть, интеллигенція наша начала терять почву подъ ногами и отвѣты на поставленные выше вопросы стали все болѣе и болѣе затуманиваться. Переставши вѣрить, что вся цѣль человеческой жизни состоитъ въ стремленіи къ возобновленію жертвоприношеній въ Іерусалимскомъ храмѣ, интеллигентные евреи стали замѣчать крайнюю беспочвенность своего положенія. „На всемъ земномъ шарѣ”, говорили они, „всѣ люди считаютъ своей родиной ту страну, въ которой они дѣйствительно родились, гдѣ родились и работали ихъ отцы и дѣды, гдѣ они съ самаго рожденія сжились съ землей, населеніемъ, фауной и флорой, съ климатомъ и всѣми атмосферическими особенностями, безъ которыхъ они уже тосковали бы и чахли, гдѣ все имъ знакомо и дорого; мы же въ нашей фактической родинѣ держимъ себя какъ чужіе, называемъ родиной отдаленную, совершенно чуждую уже намъ страну, въ которой 2000 лѣтъ тому назадъ жили наши предки. Всѣ люди называютъ своимъ роднымъ, любятъ и лелѣютъ тотъ языкъ, на которомъ они дѣйствительно говорятъ, — мы же называемъ своимъ языкомъ тотъ, на которомъ даже 2000 лѣтъ тому назадъ никто изъ нашихъ предковъ уже не говорилъ. Зачѣмъ мы сковали живущую еще религію нашихъ предковъ съ давно, давно умершею уже національностью и страной ихъ?” Такъ давно уже говорили интеллигентные евреи, и подъ вліяніемъ идей, посѣянныхъ французской революціей, у интеллигентныхъ евреевъ, потерявшихъ старую почву подъ ногами, появилась и постепенно укрѣплялась новая формула: „мы французы, нѣмцы, поляки и т. д. Моисеева вѣроисповѣданія”. Многіе изъ нашихъ братьевъ въ различныхъ странахъ еще крѣпко держатся этой формулы; но для всякаго человѣка, умѣющаго разсуждать и не закрывающаго слѣпо глаза на очевидные факты, теперь не подлежитъ уже сомнѣнію, что формула эта основана на софизмѣ и фальши, что это есть искусственно и насильственно созданный компромиссъ, съ котораго обыденные факты жизни на каждомъ шагѣ грубо срываютъ плохо приклеенную маску. Формула эта фальшива въ обѣихъ своихъ половинахъ. Когда напримѣръ наши польскіе братья говорятъ самымъ искреннимъ и даже фанатическимъ образомъ „наша Польша, нашъ польскій языкъ, наши польскія имена” и т. п., поляки-католики отвѣчаютъ имъ: „пошелъ! ты жидъ, а не полякъ; всѣ твои не дипломатирующие братья говорятъ открыто, да и ты самъ говоришь постоянно въ твоей синагогѣ, когда мы тебя не видимъ, что вы составляете особый народъ израильскій, что вы ничего общаго съ нами не имѣете, что ваша страна Палестина; польскому языку ты только *научился*, чтобы маскировать себя передъ нами, родной же языкъ твой есть жаргонъ, которымъ говорятъ всѣ твои необразованные братья и которымъ будутъ говорить и твои потомки, если они обѣднѣютъ и вмѣсто того, чтобы быть вышколенными докторами или адвокатами, должны будутъ быть ремесленниками или носильщиками. Ваши имена это Мойше и Ицекъ, или въ крайнемъ случаѣ Моисей и Исаакъ, и вы только *передѣлываете* ихъ для того, чтобы мы васъ не узнавали, и крадете для себя имена отъ святыхъ совершенно чуждой вамъ католической церкви. Мы васъ и такъ не любили бы, какъ не любимъ всякой чужой націи и религіи; но когда мы видимъ, какъ вы прилизываетесь къ намъ и подшиваетесь подъ нашу шкуру, мы безконечно презираемъ васъ. Не лѣзьте къ намъ, потому что мы васъ знать не хотимъ”. Такова фальшь первой половины упомянутой формулы. Не менѣе фальшива и вторая половина формулы. Вы, интеллигентные евреи, употребляющіе для себя опредѣленіе „Моисеева вѣроисповѣданія”, говорите вѣдь прямую ложь, такъ какъ вы вѣдь ничего общаго съ этимъ вѣроисповѣданіемъ не имѣете, вы не вѣруете, не исполняете того, что принято называть Моисеевой религіей, и даже стыдитесь ея и тщательно скрываете ее. Но даже и въ этой лжи вашей вы не послѣдовательны, потому что послѣдовательность въ этой путаницѣ понятій не возможна. Когда дѣти ваши говорятъ вамъ: „если единственнымъ отличительнымъ признакомъ нашимъ есть то, что мы Моисеевой религіи, то почему вы не учите насъ этой религіи, почему мы не исполняемъ ее?” — тогда у васъ являются какія-то смутныя угрызения совѣсти, вы ведете дѣтей въ синагогу, гдѣ они впрочемъ вслѣдствіе чуждости языка ничего не понимаютъ, говорите имъ объ израильскомъ народѣ, о чисто національныхъ еврейскихъ законахъ и праздникахъ, а затѣмъ сознаете, что это фальшь, противорѣчащая вашимъ убѣжденіямъ и вашей новопринятой національности, и вы опять долго молчите и выѣтесь какъ рыба въ сѣти, и вамъ неловко смотрѣть въ глаза вашимъ дѣтямъ, а дѣти ваши съ грустью чувствуютъ какую-то пустоту и фальшь. То, что существуетъ подъ именемъ Моисеевой религіи, есть религія абсолютно и исключительно *еврейско-національная*, и называть себя напримѣръ полякомъ Моисеевой вѣры есть то же самое, что называть себя портнымъ сапожнической профессіи. Кто же вы наконецъ такіе? Какія-то летучія мыши, бросающіяся изъ лагеря въ лагерь, отъ птицъ къ четвероногимъ, и не знающія, къ кому себя причислить? Это тяжелая фальшь, которой ни одинъ нормальный человѣкъ долго выносить не можетъ, а поэтому дѣтямъ или внукамъ всѣхъ этихъ лицъ, объявившихъ себя нѣмцами, поляками и т. п. Моисеева вѣроисповѣданія, раньше или позже, послѣ долгой и тяжелой душевной борьбы, приходится искать спасенія въ единственно возможномъ для нихъ исходѣ — въ перемѣнѣ религіи вопреки собственному убѣжденію. Какъ ни индифферентными они намъ кажутся, въ дѣйствительности каждый изъ нихъ совершаетъ этотъ шагъ съ болью въ сердцѣ, сознавая смутно, что онъ дѣлаетъ какую-то ложь, какую-то измѣну, но не имѣя другого выхода.

На смѣну обанкрутившейся идеѣ объ арийцахъ Моисеева вѣроисповѣданія явилась въ послѣднія два десятилѣтія новая идея — идея Сіонизма. „Мы не поляки, нѣмцы и т. п.“, говорятъ Сіонисты, а евреи по національности, помимо религіи, и какъ таковыя мы должны стремиться къ самобытности и самостоятельности на землѣ нашихъ предковъ”. Идея эта не новая, а существуетъ уже 2000 лѣтъ, только раньше она не выходила изъ области религіозныхъ книгъ и поэзіи, а теперь старается входить въ практику. Почва для этой идеи всегда была готова, такъ какъ благодаря своей религіи евреи съ самаго дѣтства изучаютъ библію и пропитываются любовью, хотя чисто платоническою, къ этимъ прекраснымъ картинамъ прошлаго. Такъ, подѣ влияніемъ рассказовъ дѣтскихъ лѣтъ, у всѣхъ народовъ всегда готова почва для идей о золотомъ вѣкѣ, о различныхъ мессіанизмахъ, о царствѣ тысячи и одной ночи, и достаточно иногда толчка, чтобы идеи эти вызвали движеніе массъ, часто полное увлеченія, но къ сожалѣнію всегда только временное и скоропреходящее, вслѣдствіе отсутствія реальныхъ опоръ. Между подобными вспышками фантастическаго увлеченія и реальными массовыми стремленіями есть огромная разница. Такъ, на примѣръ, у всѣхъ дѣйствительно существующихъ народовъ, потерявшихъ самостоятельность, идея возрожденія, т. е. сверженія чужого ига, существуетъ *непрерывно*, съ большею или меньшею надеждою на исполнимость этого стремленія, но всегда ясно и сознательно; такое сознательное и непрерывное стремленіе существовало и у евреевъ, пока они дѣйствительно существовали еще какъ народъ, хотя и поработанный, т. е. жили на одной землѣ и говорили однимъ (хотя и не библейскимъ уже) языкомъ; но когда еврейскаго народа фактически не стало, стремленіе къ возрожденію еврейскаго народа превратилось въ мечту чисто религіозную, которой никто соціально-политическаго значенія уже не придавалъ. Подѣ политической формой Сіонизма стремленіе это явилось въ послѣднее время искусственно и искусственно же пропагандируется. Но какъ эта идея ни увлекательна, холодный разумъ къ сожалѣнію срываетъ съ нея весь ореолъ ея прелести. Идея эта, какъ основанная на чувствахъ, разъ запавши въ сердце, съ трудомъ удаляется оттуда. Но помните, что мы, еврейская интеллигенція, обязаны думать о милліонахъ темныхъ братьевъ нашихъ, и что когда дѣло касается будущности всѣхъ этихъ братьевъ нашихъ, намъ увлекаться поэзіей не простительно. Прежде всего констатируемъ тотъ фактъ, что народъ еврейскій давно, давно уже не существуетъ, а существуютъ разсѣянные по всему міру люди, связанные между собою только одинаковостью вѣры или внѣшняго ярлыка этой вѣры и благодаря этому также одинаковостью страданій, вызванныхъ исключительно принадлежностью къ этой вѣрѣ. Выраженіе „еврейскій народъ“, которое по традиціонной привычкѣ употребляется нами и преслѣдователями нашими, есть только слѣдствіе иллюзіи, обмана чувствъ и укоренившейся метафоры, подобно тому, какъ о портретѣ какого-нибудь лица мы говоримъ обыкновенно „вотъ такое-то лицо“, хотя лицо это давно уже умерло и въ портретѣ оставило намъ только тѣнь свою. Основываясь исключительно на чувствахъ своихъ, Сіонисты скажутъ, что мы играемъ словами и что дѣло не въ названіи, а въ сути; поэтому мы ниже покажемъ, на какомъ обманѣ чувствъ основана иллюзія о еврейскомъ народѣ, а пока разберемъ вопросъ теоретически.

Выяснимъ себѣ сначала, что такое народъ. Если милліоны людей разсѣянныхъ по всему свѣту имѣютъ рыжіе волосы, они имѣютъ между собою этотъ одинъ общій признакъ; но можемъ ли мы ихъ благодаря этой общности назвать народомъ? Очевидно нѣтъ. Если они изъ-за этихъ рыжихъ волосъ подвергаются одинаковымъ насмѣшкамъ толпы, одинаковому недовѣрію или преслѣдованію, основанному на предразсудкѣ, тогда они имѣютъ уже между собою *много* общаго; но назовете ли вы ихъ поэтому народомъ? Очевидно нѣтъ. Какіе же общіе признаки требуются для того, чтобы какая-нибудь группа людей могла называть себя народомъ?

Обыкновенно мы называемъ народомъ большую группу людей, говорящихъ однимъ языкомъ, живущихъ на одной землѣ, представляющихъ одно самостоятельное политическое цѣлое, исповѣдующихъ одну вѣру и т. п. Это народъ нормальный. Отнимите у народа постепенно одинъ изъ этихъ признаковъ за другимъ, и онъ превращается въ народъ ненормальный, больной, но все таки кое-какъ еще продолжаетъ существовать и можетъ еще стремиться къ выздоровленію. Отнимите у народа — возьмемъ для примѣра положимъ народъ польскій — политическую самостоятельность, — это будетъ ударъ до того тяжелый, что многіе ошибочно считаютъ подобный народъ даже уже мертвымъ, но народъ все таки остается народомъ. Нанесите ему еще болѣе тяжелый ударъ, ударъ небывалый и страшный, вырвите его съ корнемъ изъ родной земли и разсѣйте его такъ по всему міру, чтобы онъ нигдѣ не составлялъ большинства, а повсюду исчезающее меньшинство, — тогда наступитъ его агонія и ему предстоитъ скоро умереть, разложиться и раствориться въ окружающихъ элементахъ; но даже послѣ этого убійственнаго удара, пока онъ, хотя разсѣянный, еще говоритъ своимъ языкомъ, онъ еще живетъ, и о всѣхъ разсѣянныхъ членахъ его всѣ еще скажутъ: „это поляки“. Но пусть исчезнетъ польскій языкъ, и тогда существованіе польскаго народа окончательно и бесповоротно прекращается и переходитъ въ область исторіи. Если бы послѣ такого исчезновенія языка всѣ члены этой націи даже на вѣки вѣковъ сохранили какимъ-либо способомъ свою родословную самымъ строгимъ образомъ, если бы каждый изъ нихъ даже имѣлъ какой-нибудь опредѣленный органическій признакъ, дѣлающій общее происхожденіе ихъ несомнѣннымъ, никто все таки тогда (т. е. послѣ потери языка) не скажетъ уже объ нихъ: „это поляки“, а въ крайнемъ случаѣ скажутъ объ нихъ только: „это потомки существовавшего когда-то польскаго народа“, подобно тому, какъ есть потомки готовъ, галловъ, кельтовъ и т. п., но нѣтъ уже самихъ народовъ этихъ. *Ибо языкъ есть именно та связь, которая дѣлаетъ ту или другую группу людей народомъ.* Представьте себѣ, на примѣръ, что какимъ-нибудь чудомъ сербы потеряли свой языкъ и заговорили по польски, — существовалъ ли бы тогда сербскій народъ? Нѣтъ, вы сказали бы тогда, что Сербія населена поляками, не смотря на то, что они и мѣстомъ жительства, и происхожденіемъ, и религіей совершенно отличаются отъ поляковъ Привислянскаго края; и они не только называли бы себя поляками, но постоянно тяготѣли бы къ Польшѣ, ибо языкъ именно и есть то, что творитъ народъ. Въ Австріи есть различные народы, которые, съ тѣхъ поръ какъ исторія ихъ знаетъ, жили и живутъ всегда рядомъ другъ возлѣ друга, несравненно ближе другъ къ другу, чѣмъ на примѣръ Воронежцы съ Вологодцами; они имѣютъ одно государство, одну религію и т. д., и все таки они представляютъ совершенно чуждые и враждебные другъ другу народы исключительно только потому, что они говорятъ различными языками; между тѣмъ Австрійскіе нѣмцы и Пруссаки отличаются другъ отъ друга и мѣстомъ жительства, и государствомъ, и религіей, а все таки, благодаря исключительно единству ихъ языка, мы должны и тѣхъ и другихъ соединять подъ именемъ нѣмецкаго народа, и сами они другъ къ другу тяготѣютъ. Ибо языкъ есть самое священное достояніе чловѣка; на немъ онъ мыслить, радуется и печалится, съ нимъ связано его самосознаніе, а слѣдовательно и его индивидуальное существованіе. Еслибы не было различія языковъ, не было бы и различія народовъ: существовали-бы тогда группы локальныя, политическія, религіозныя, но не національныя. На сколько не мыслимо отдѣлить другъ отъ друга понятія „языкъ“, и „народъ“, видно изъ того, что въ нѣкоторыхъ языкахъ оба эти понятія прямо обозначаются однимъ и тѣмъ же словомъ.

Мы, разсѣянные по всему міру евреи, не имѣющіе не только политической самостоятельности и какой-либо опредѣленной населяемой территоріи, но главное — не имѣющіе самаго необходимаго фундамента народности — языка, не представляемъ собою никакого народа, а мы составляемъ только группу людей, имѣющихъ одну общую религію, или вѣрнѣе *приписанныхъ* къ одной религіи, такъ какъ многіе изъ насъ этой религіи даже не исповѣдуютъ. Нѣкоторые, правда, говорятъ, что у насъ есть свой языкъ, древне-еврейскій; но вы вѣдь знаете, что это неправда. Этотъ языкъ принадлежалъ когда-то народу, жившему въ отдаленной древности, но *мы* съ нимъ ничего общаго не имѣемъ; еслибы не *религія* наша, мы бы этого языка и знать не хотѣли; этотъ языкъ для насъ такъ же труденъ и чуждъ, какъ для всякаго не-еврея. Правда, спеціально у насъ съ вами, любезные читатели, есть общій языкъ, на которомъ говорили наши отцы и дѣды, на которомъ большинство изъ насъ самихъ говорило въ дѣтствѣ и часто говоритъ еще и теперь — это жаргонъ. Еслибы мы этотъ языкъ культивировали и заставили бы говорить на немъ нашихъ дѣтей и внуковъ, то это дало бы намъ право называть себя особымъ народомъ. *Это* былъ бы дѣйствительный народъ, а не фиктивный; но ни съ евреями другихъ странъ, ни съ Палестиной этотъ народъ кромѣ религіи не имѣетъ ничего общаго, и тяготѣтъ безъ фальши онъ долженъ былъ бы только къ своей *дѣйствительной* родинѣ, т. е. къ западной Россіи и Польшѣ, и къ своему *дѣйствительному* языку, т. е. къ жаргону. Такое національное самосознаніе было бы, если не желательно, то по крайней мѣрѣ естественно; но такъ какъ культивированіе такого западно-руско-нѣмецкаго народа, признающаго Балтійско-Черноморскую полосу своей родиной, а жаргонъ своимъ языкомъ, ни одной изъ еврейскихъ партій не признается ни желательнымъ, ни мало-мальски цѣлесообразнымъ или имѣющимъ какіе-либо шансы на будущность, то мы объ немъ говорить совершенно не будемъ *).

*) Пусть читатель не думает, что мы принадлежим к врагам жаргона. Напротив: в то время как наша интеллигенция почти вся поголовно (не исключая даже жаргонных писателей) относится к жаргону с полнейшим пренебрежением и считает его чужим-то диким, мы всегда относились и относимся и теперь к нему с любовью и видим в этом так называемом жаргоне такой же язык, как и все другие языки. Лет 20—25-тому назад мы с усердием и увлечением продолжительное время работали над этим языком, и тогда мы убедились, что он не только отличается богатством форм, но имеет самую стройную и строгую грамматику, во многих отношениях оригинальную и замечательную. Грамматику эту мы систематически обработали и готовы были уже выступить с нею публично, мечтая об основании чистой и цивилизованной ново-еврейской литературы вместо теперешней безграмотной и безобразной. Но впоследствии мы пришли к убеждению, что это было-бы делом без всякой цели и будущности, что, представляя собою чисто местный и временный диалект, жаргон никакого отношения к еврейству не имеет и что культивировкой его мы не оказали бы еврейству никакой услуги.

Выражение „народ еврейский“ (в смысле „паньюдаистической“), к которому мы так привыкли, есть следовательно выражение вполне ошибочное, которое благодаря религии и ее неизменяемым терминам все еще передается из рода в род, хотя оно с незапамятных времен сдѣлалось уже полнейшим анахронизмом, подобно многим другим религиозным терминам и обычаям. *Если мы сами в нашей статье употребляем и будем до конца употреблять выражение „народ еврейский“, то мы делаем это просто только ради удобства, и в виду того, что наши читатели слишком уже привыкли к этому термину.*

„Но”, скажете вы, „у насъ есть общее происхождение, общая исторія, общая судьба и страданія, общіе обычаи”. Но всмотритесь повнимательнѣе въ эту исторію, и вы увидите, что уже отъ двухъ тысячелѣтій она не представляетъ собою и тѣни какой-либо исторіи *народа*, а совершенно несомнѣнно составляетъ собою исключительно только исторію *религіозной группы*. Къ этой исторіи цѣликомъ принадлежалъ и принадлежитъ всякій человекъ, исповѣдующій еврейскую религію, хотя бы даже еще отецъ его ничего общаго съ еврействомъ и Палестиной не имѣлъ: съ момента принятія имъ еврейской вѣры онъ входитъ въ еврейскую исторію; съ другой стороны всякій не исповѣдующій еврейской религіи не имѣетъ съ еврейской исторіей ровно ничего общаго, хотя бы еще дѣдъ его былъ самымъ преданнымъ евреемъ. Можетъ ли слѣдовательно быть какое нибудь сомнѣніе въ томъ, что та исторія, которую мы по древней привычкѣ, когда-то въ отдаленной древности имѣвшей основаніе, называемъ ошибочно исторіей еврейскаго народа, есть ничто иное, какъ исключительно только *исторія еврейскаго вѣроисповѣданія*? То же самое и съ нашей судьбой и съ нашими обычаями, которые не содержатъ въ себѣ ни капли чего либо народнаго, чего-либо Палестинскаго, и общность которыхъ происходитъ исключительно только отъ общности нашей религіи и жизненныхъ условій, вызванныхъ этой религіей. *Единственный* слабый признакъ, который нашимъ націоналистамъ даетъ еще нѣкоторое право называть насъ народомъ, есть общность нашего *происхождения*. Но во первыхъ эта общность происхожденія далеко не такъ несомнѣнна, какъ многимъ — подъ вліяніемъ опять таки религіозныхъ традицій и формулъ — кажется. Вспомните о множествѣ людей, выпадавшихъ изъ еврейства въ другіе народы, (напримѣръ исчезновеніе десяти колѣнъ, т. е. $\frac{3}{4}$ всего народа, еще въ отдаленной древности, массы постоянно принимавшихъ и принимающихъ иныя религіи); вспомните множество людей постороннихъ, вливавшихся въ еврейство (напримѣръ массы новообращенныхъ евреевъ въ послѣднюю эпоху Рима, когда люди принимали вѣдъ не только христіанство, но и еврейство; цѣлый народъ Хазарскій, принявшій еврейство и несомнѣнно общавшійся съ другими евреями; еврейскіе неофиты за границей и потомки многихъ „жидовствующихъ” и „субботниковъ” въ Россіи и т. п.). Мнимый типъ еврейскій не имѣетъ въ себѣ ничего расово-органическаго, а является только продуктомъ извѣстнаго рода воспитанія. Но не будемъ объ этомъ распространяться, а допустимъ, что дѣйствительно всѣ евреи происходятъ отъ Израиля, а всѣ неевреи не отъ Израиля; что же изъ этого слѣдуетъ? Развѣ живой народъ творится запыленными историческими хартіями и родословными? Какому изъ существующихъ народовъ есть какое-нибудь дѣло до того, кѣмъ были въ отдаленной древности его предки, были ли они израильянами, филистимлянами, скиѣтами, готами, гуннами, германцами и т. п.? Это дѣло историковъ, а не народа, который своего происхожденія не чувствуетъ и чувствовать не хочетъ, если его не связываютъ какія-нибудь узы фактически еще *существующія*, т. е. если общность существующаго еще родного языка не дѣлаетъ его взаимно связаннымъ между собою *народомъ*, или общность вѣры не дѣлаетъ его взаимно связанной между собою *религіозной группой*. Отнимите вы эти *фактическія* узы, и тогда завтра же всякая связь между бывшими членами прежней массовой единицы моментально прекращается и члены становятся другъ другу навсегда и окончательно совершенно чуждыми и знать другъ друга не захотятъ, хотя бы даже извѣстно было самымъ несомнѣннымъ образомъ, что всѣ они нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ имѣли одного общаго отца. Что, напримѣръ, связываетъ между собою финновъ и венгерцевъ, хотя несомнѣнно извѣстно, что они не только одного происхожденія, но что они составляли одинъ народъ даже сравнительно очень *недавно*, когда евреи давно уже единого народа не представляли? Для тѣхъ, которые сомнѣваются, что общность происхожденія (если даже допустимъ несомнѣнность таковой у евреевъ) въ народномъ самосознаніи не играетъ ровно никакой роли, приведемъ слѣдующее простое математическое вычисленіе: Два человека, имѣющіе общаго отца, чувствуютъ другъ къ другу сильную привязанность и взаимныя обязанности; у двухъ человекъ, имѣющихъ общаго дѣда, т. е. у двоюродныхъ братьевъ, эта привязанность, какъ извѣстно, уже по крайней мѣрѣ въ четыре раза слабѣе; у двухъ человекъ, имѣющихъ общаго прадѣда, эта привязанность уже по крайней мѣрѣ въ 16 разъ слабѣе, и они уже въ большинствѣ случаевъ почти совершенно чужды другъ другу; наконецъ два человека, имѣвшіе общаго прапрадѣда, уже обыкновенно ровно ничего общаго между собою не имѣютъ. Если же по истеченіи какихъ нибудь 100 лѣтъ общность происхожденія въ значеніи своемъ доходитъ уже почти до нуля, то вычислите, какое значеніе она должна имѣть послѣ 3000 лѣтъ!... Разумѣется, что *абсолютно никакого*. И если нѣмецъ привязанъ къ нѣмцу, русскій къ русскому и т. п., то это ничуть не вслѣдствіе происхожденія, а исключительно только отъ того, что членовъ каждой изъ этихъ группъ взаимно связываетъ общность различныхъ узъ *современныхъ*, напримѣръ общность языка, территории, вѣры и т. п.; а такъ какъ у какого-нибудь французскаго еврея съ русскимъ евреемъ нѣтъ ни общаго языка, ни территории и т. п., то ихъ слѣдовательно связываетъ исключительно только общность религіи. Когда русскій народъ перешелъ изъ язычества въ православіе, онъ ничуть не пересталъ быть русскимъ народомъ; если бы онъ сегодня принялъ лютеранство, онъ все остался бы тѣмъ же народомъ, потому что членовъ его связываетъ въ единое народное цѣлое общность языка; но пусть такъ называемый еврейскій народъ приметъ сегодня другую религію, и тогда моментально еврейскій народъ навсегда исчезнетъ безслѣдно. Не правда ли? Можете ли вы сомнѣваться въ этомъ? Можете ли вы даже вообразить себѣ еврейскій народъ безъ еврейской религіи? Если же мы сознаемъ, что съ уничтоженіемъ еврейской религіи

момента́льно и оконча́тельно исче́зъ бы еврейскій народъ, то это уже доказы́ваетъ впло́нѣ́ ясно и несомнѣ́нно, что еврейскаго народа нѣ́тъ и что евреи составляютъ только группу людей, связанныхъ между собою исключительно только религі́ей, не взира́я разуме́тся на то, исполняютъ ли они дѣ́йствительно предписа́нія этой религі́и или только причисляю́тъ себя къ исполняющимъ ее.

Вы скажете, можетъ быть, что полная зависимость такъ называемаго еврейскаго народа отъ религі́и есть только временная, обусловленная теперешнимъ политическимъ положеніемъ евреевъ; мы дадимъ вамъ поэ́тому еще слѣ́дующій примѣ́ръ: Предста́вьте себѣ́, что нѣ́сколько сотъ тысячъ евреевъ основали въ Палестинѣ́ самостоя́тельное госуда́рство, но черезъ нѣ́которое время приняли другую религі́ю (напримѣ́ръ христі́анство или магометанство), что же тогда́ будетъ? будете ли вы или кто-нибудь другой называть ихъ тогда́ евреями? Нѣ́тъ, призна́йтесь, что нѣ́тъ! Эти полнокровнѣ́йшіе евреи, эти евреи *par excellence*, которые имѣ́ютъ повидимому совокупно́сть всѣ́хъ данныхъ для того, чтобы счита́ться еврейскимъ народомъ, такъ какъ они происходятъ отъ евреевъ, живутъ въ странѣ́ своихъ предковъ евреевъ и основали спеці́альное, политически самостоя́тельное еврейское госуда́рство, а отлича́ются отъ насъ *только* религі́ей (которую наши націо́налисты ошибочно ставятъ на задній планъ), ихъ никто́ называть евреями не будетъ, они изъ еврейской истори́и будутъ совершенно вычеркнуты и съ такъ называемымъ еврейскимъ народомъ и вопросомъ ничего́ общаго имѣ́тъ больше не будутъ (по крайней мѣ́рѣ́ черезъ нѣ́сколько поколѣ́ній), между тѣ́мъ какъ мы, разсѣ́янные по міру, не говорящіе однимъ языкомъ, не живу́щие въ странѣ́ евреевъ, не представляю́щие политической единицы, а имѣ́ющие между собою *только* общно́сть религі́и, будемъ продо́лжать по прежнему называть себя еврейскимъ народомъ и влачить за собою еврейскій вопросъ. Если въ сочетаніи a—|—b—|—c—|—d мы можемъ b, c, и d замѣ́нить какими угодно членами и сочетание все таки́ будетъ носить имя „еврей“, а съ измѣ́неніемъ члена „a“ сочетание совершенно перестае́тъ носить имя еврей, хотя бы b—|—c—|—d остались неизмѣ́ненными, то ясно какъ Божій день, что вся сущно́сть того, что мы называемъ „еврей“, кроется только въ членѣ́ „a“. Можетъ ли послѣ́ всего этого́ быть какое нибудь сомнѣ́ніе въ томъ, что сущно́сть еврейства заключа́ется въ еврейской *религі́и* (хотя бы она существовала только *номинально*, а ничуть не исполнялась) и что вся наша борьба за еврейство сводится только къ борьбѣ́ за *религі́ю*, а все остальное, за что мы боремся и страдаемъ, представляе́тъ только *слѣ́дствія* этой религі́и. Какъ это ни покажется парадоксальнымъ, особенно той еврейской интеллигенці́и, которая ни о какой религі́и знать ничего́ не хочетъ, оно все таки́ въ дѣ́йствительности остае́тся непреложной и неумолимой истиной, и тѣ́, которымъ подѣ́ влияніемъ модныхъ и совершенно непримѣ́нимыхъ къ еврейству лозунговъ каже́тся, что они борются въ еврействѣ́ за что-то другое кромѣ́ религі́и, только безсознательно обманываютъ себя самихъ. Мы можемъ мѣ́нять языкъ, страну, платье, обычаи, идеалы, духъ, тѣ́лесныя особенности, политическое положеніе, экономическія условия, словомъ все, что хотите, и мы все таки́ останемся для себя и для другихъ тѣ́ми же евреями; но стои́тъ намъ пере́мѣнить религі́ю — и весь еврейскій вопросъ сразу́ для насъ исче́заетъ, хотя бы мы даже и въ еврействѣ́, и въ новопринятой религі́и были полными атеистами и вся наша принадле́жность къ той или другой религі́и ограничивалась только ярлыкомъ, только простою припискою. Весь еврейскій вопросъ заключа́ется только въ еврейской религі́и. Просимъ читателя хороше́нко уяснить себѣ́ это, ибо отъ точнаго уясненія себѣ́ этой основной и единственной *причины* еврейскаго вопроса́ зависи́тъ и точное рѣ́шеніе его. Вы скажете, можетъ быть: „если евреи связаны между собою только религі́ей, то почему же еврей, даже совершенно не вѣ́рующій, чувствуетъ себя такъ неуютно между не-евреями, а такъ уютно между евреями, точно между родными? не доказы́ваетъ ли это, что евреевъ связываетъ между собою еще нѣ́что другое кромѣ́ религі́и?“ Нѣ́тъ, ибо это чувство мы себѣ́ совершенно ложно истолковываемъ. Присмотритесь внима́тельно къ этому чувству, и вы увидите, что то чувство, которое привязываетъ васъ къ другому еврею, основано исключительно *только* на общности религі́и, хотя бы ни вы, ни вашъ собесѣ́дникъ этой религі́и не держался; эта общно́сть религі́и дае́тъ вамъ гаранті́ю, что вашъ собесѣ́дникъ не назоветъ васъ жидомъ, не отнесется къ вамъ съ презрѣ́ніемъ, какъ къ какому-то парію, не будетъ въ васъ видѣ́ть врага, котораго Талмудъ, можетъ быть, воспиталь Богъ знаетъ на какихъ гадостяхъ, что онъ провель свои дѣ́тскіе годы въ тѣ́хъ же вѣ́рованіяхъ, праздни́кахъ, что и вы, а одинаковость дѣ́тскихъ впечатлѣ́ній сближае́тъ людей даже и тогда, когда вѣ́ра, вызвавшая эти впечатлѣ́нія, давно уже исче́зла. Всѣ́ эти чувства, привязывающія́ еврея къ еврею, основаны слѣ́довательно исклю́чительно только на религі́и и связанныхъ съ нею́ явленіяхъ. Если къ *нѣ́которой* группѣ́ евреевъ насъ привязываютъ еще какія-то другія́ чувства, то это чувства чисто́ мѣ́стныя, не имѣ́ющія́ ничего́ общаго ни съ паньюдаизмомъ, ни съ Палестиной. Такъ напримѣ́ръ литовскій еврей чувствуетъ себя хорошо въ обществѣ́ литовскаго еврея потому, что кромѣ́ вышеуказанной связи религі́озной ихъ обоихъ связываетъ еще общно́сть духа, вынесеннаго изъ литовскихъ мѣ́стечекъ, общно́сть воспитанія и воспоминаній, общно́сть жаргона, который доро́гъ имъ невольнo, какъ языкъ дѣ́тства, общно́сть ударовъ и правовыхъ ограниченій, подѣ́ которыми они живутъ, благодаря своей религі́и. Вы видите, слѣ́довательно, что это чувство взаимнаго расположе́нія евреевъ другъ къ другу́ есть не какое-то націо́нальное самосознание, а просто слѣ́дствіе общности религі́и, или религі́ознаго ярлы́ка, и связанной съ этимъ общности положенія.

Кто же мы такие? Мы — по крайней мере при теперешних условиях — не русские, не поляки, не немцы, но вместе с тем мы... также не еврейский народ. Мы потомки евреев (да и то не с полной несомненностью), но мы не еврейский народ, так как такого народа теперь нет, как нет например народа протестантского. Будучи разрозненными группами, связанными между собой только общностью религии, мы в национальном отношении единого еврейского народа давно уже не составляем, выкристаллизоваться по естественным своим языкам и местам жительства в новые отдельные народы не имеем никаких шансов, а влиться в окружающие народы, благодаря национально-сепаратическому духу нашей религии, не имеем возможности. Мы в национальном отношении следовательно обречены на вечное висение между небом и землей, и в этом-то и состоит весь трагизм нашего положения. Мы представляем собою предполагаемых *потомков* когда-то бывшего народа, мы представляем собою *материал*, из которого можно составить новый *будущий* народ; но теперь мы народа не составляем. *На только что сказанное мы просим читателя обратить внимание*, так как иначе ему покажется странным, что мы, отрицая существование еврейского народа, ниже сами будем говорить о будущем еврейства как *народа*. Если мы найдем нужным составить из себя народ, то между этим будущим народом ново-еврейским и бывшим народом древне-еврейским будет существовать историческая связь, так как мы, теперешние безнародные евреи, благодаря своему предполагаемому происхождению, являемся связующим звеном между обоими народами. Будущий *новоеврейский* народ следовательно будет иметь полное право рассматривать историю бывшего Палестино-израильского народа как древний период своей собственной истории; но *идентифицировать* себя с бывшим Палестино-израильским народом теперешние евреи не имеют ни малейшего логического основания, так как они только предполагают себя *происходящими* от сказанного народа, но не имеют в себе ни капли из всего того, что из древних евреев творило особую и единую народную группу под формой израильского народа. Следовательно и идентифицировать свои идеалы с идеалами бывшего когда-то Израильского народа у теперешних евреев нет ни малейшего логического основания, и если подобная совершенно несообразная идентификация многими евреями еще дѣлается, то это происходит только под влиянием ненормальной религии нашей, которая теперешних последователей своих все еще называет тем же именем, которым она называла давно исчезнувших *древних* последователей своих. Если идеалами наших отдаленных предков были их родная Палестина и их родной библейский язык, то это было вполне естественно; но если мы, теперешние евреи, давно уже не имеющие ничего общего ни с Палестиной, ни с библейским языком, хотим сдѣлать эту страну и этот язык своими идеалами, то это не только совершенно лишено всякого логического основания, но и совершенно противозакономерно.

Вы видите следовательно, что древне-израильский национализм, а следовательно и вызванный им Сионизм, как *естественный* идеал сам для себя у нас не существует и существовать не должен. Но может быть Сионизм хорош с *утилитарной* точки зрения, т. е. может быть он хорош как способ для прекращения страданий наших братьев? Если Палестино-израильский народ умер, то может быть полезно было бы, чтобы мы искусственно *воскресли* его? Может быть для материального и нравственного спасения миллионов людей, страдающих за еврейскую веру, полезно объединить их тем языком, на котором когда-то говорили иудеи, соединить их на той земле, которая когда-то была населена иудеями, дать им там политическую самостоятельность и т. д.?

Какъ ни увлекательна подобная мечта съ перваго раза, зрѣлое обмышленіе заставляетъ отвѣтить на поставленный выше вопросъ: „Нѣтъ, положительно нѣтъ! это утопія, которая сбывься не можетъ, а еслибы она даже когда-либо могла сбывься, то она въ концѣ концовъ ни къ чему не повела-бы”. Во первыхъ снимите на минуту, Сіонисты, пелену съ увлеченныхъ глазъ вашихъ и посмотрите, какъ шатки, какъ дѣтски-фантастичны тѣ данныя, на которыхъ вы строите свои надежды. Вы говорите: „Мы заселимъ Палестину и затѣмъ поднимемъ противъ Турціи, или, какъ вы говорите, мы останемся вѣрными подданными Турціи, но на какихъ-то особыхъ условіяхъ и правахъ; мы соберемъ деньги и откупимъ Палестину отъ Турціи, устроимъ государство, будемъ имѣть консуловъ и т. д.” Но если даже допустить, что у насъ есть огромныя силы, что есть много миллионъвъ капитала, что есть сотни тысячъ евреевъ готовыхъ тронуться со своихъ мѣстъ и пойти въ Палестину, то неужели вы думаете, что Турція, которой Сіонизмъ вѣдь извѣстенъ, смиренно допуститъ такую обширную колонизацію, которая могла бы стать для нея опасной? Вѣдь съ нами, живущими *внѣ* ея, ей даже и бороться не придется, — она просто не будетъ насъ впускать, что она уже теперь дѣлаетъ, хотя ей съ нашей стороны абсолютно ни малѣйшая опасность еще не угрожаетъ; а если она за большія деньги и согласится открыть намъ входъ, то кто же ей запретитъ при малѣйшихъ признакахъ нашего окрѣпленія сказать намъ: „стой! больше не впускаю!”? Неужели вы думаете, что государства такъ легко покупаются, особенно еще такой огромной важности край, какъ Палестина, который вѣдь не можетъ быть сравненъ съ какою-нибудь ничего не значущей Аляской? Подъ влияніемъ такой прекрасной декораціи, какъ конгрессы, народное знамя, народный банкъ, раздутыя свѣдѣнія о массахъ подписываемыхъ акцій, одобрительныя слова тѣхъ или другихъ лицъ, вы энтузіазмированы; но безпочвенный энтузіазмъ скоро проходитъ, оставляя послѣ себя еще большее угнетеніе духа. Государства не покупаются и за миллиарды, не говоря уже о тѣхъ крошечныхъ суммахъ, которыми вы можете когда-либо располагать. Если даже допустить, что эта утопія сбылась, то какъ вы соедините въ одинъ органическій народъ чуждые другъ другу еврейскіе элементы, не имѣющіе общаго языка и не имѣющіе ничего общаго кромѣ религіи, да и то даже общей только съ виду и съ названія, но непримиримо различной у разныхъ партій по сущности своей? Напрасно вы ссылаетесь на примѣры другихъ народовъ, которые по вашему мнѣнію воскресли, на примѣръ греки, болгаре и т. п.; тутъ не можетъ быть ни малѣйшаго сравненія, ибо тѣ народы никогда не умирали, они жили на своей землѣ, имѣли свой языкъ, и имъ оставалось только свергнуть съ себя навязанное имъ иго, а не воскресить себя. Но допустимъ наконецъ, что всѣ фантазіи, одна другой неисполнимѣе, какимъ-то чудомъ сбылись, — что же тогда будетъ? Въ самомъ лучшемъ случаѣ въ Палестину перейдетъ съ теченіемъ времени одинъ миллионъ евреевъ, а девять миллионъвъ, т. е. почти все еврейство, волей неволей останется на своихъ мѣстахъ, и что же съ ними будетъ? Какъ не родившіеся въ Палестинѣ, они не могутъ даже имѣть своихъ консуловъ; но будемъ уже фантазировать дальше и допустимъ, что какимъ-то фокусомъ все внѣпалестинское еврейство приписалось къ Палестинскому подданству и стоитъ подъ защитой консуловъ, — что же они выиграютъ? Что никто не посмѣетъ ихъ бить и рѣзать безъ суда? но вѣдь для полученія *этого* права имъ не нужно консуловъ, ибо этимъ правомъ они, по крайней мѣрѣ оффиціально, пользуются повсюду уже и теперь, и никакихъ новыхъ правъ консулы для нихъ не выработаютъ; противъ ненависти же и презрѣнія окружающихъ не защитятъ ихъ никакіе консулы. Въ глазахъ міра *жиды останутся жидами*, и все останется по старому. Выиграетъ, слѣдовательно, только одна очень незначительная часть еврейства, которая будетъ имѣть возможность пойти въ Палестину; все же остальное огромное большинство, которое не будетъ имѣть возможности уйти туда, не только ничего не выиграет, но положеніе ихъ еще значительно ухудшится, ибо тогда-то именно наши преслѣдователи получаютъ нѣкоторую моральную почву подъ ногами и на каждомъ шагу будутъ кричать намъ: „убирайтесь въ свою Палестину!” Но наконецъ даже упомянутая небольшая горсть евреевъ въ самой Палестинѣ, выиграетъ ли хоть *она* что нибудь? Нѣтъ, ибо дѣйствительныя картины *будущей* Палестины будутъ очень сильно разниться отъ поэтическихъ картинъ *бывшей* Палестины. De jure Палестина принадлежитъ теперь Турціи; допустимъ, что совершился рядъ чудесъ и Палестина перешла въ руки евреевъ, тогда вѣдь и имъ она будетъ принадлежать только de jure; de facto же Палестина давно уже принадлежитъ и будетъ всегда принадлежать могущественному христіанскому міру, который на каждомъ шагу имѣетъ тамъ самыя священныя святыни свои, объ устраненіи или ослабленіи которыхъ не дерзнетъ мечтать даже самый отчаянный фантазеръ и утопистъ. Какъ жалко же было бы тамъ положеніе евреевъ въ роли мнимыхъ хозяевъ страны! въ такъ называемомъ домѣ своемъ имъ было бы гораздо хуже, чѣмъ на чужбинѣ, ибо на каждомъ шагу они были бы связаны, все было бы имъ запрещено. Въ своемъ домѣ еврейамъ не захочется быть смиренными рабами, и стычки съ христіанами вѣчно будутъ; но какъ бы евреи ни были даже смиренны, они исконныхъ враговъ не удовлетворяютъ, вѣчно будутъ крики на такъ называемое еврейское нахальство, все это будетъ горько отзываться на еврейяхъ всего земного шара; евреи въ Палестинѣ будутъ вѣчно какъ на вулканѣ; они будутъ тамъ въ положеніи тѣхъ евреевъ, которые когда-то въ Малороссіи арендовали церкви и были потомъ безчеловѣчно вырѣзаны; не прекратятся въ Палестинѣ давленія и волненія до тѣхъ поръ, пока наконецъ все это не кончится опять изгнаніемъ евреевъ.

Подведемъ же теперь итогъ всему вышесказанному, и мы поймемъ, что сущность Сіонизма состоитъ въ слѣдующемъ:

Во имя идей, не имѣющихъ никакой логической подкладки, мы стремимся къ цѣли, не имѣющей никакихъ шансовъ на достиженіе; мы стремимся туда дорогами, проложенными въ воздухѣ и вымощенными однѣми только теоріями и фантазіями; если же допустить уже, что для насъ совершится рядъ чудесъ и что эти фантастическія дороги привели насъ къ нашей утопической цѣли, — то тогда... тогда мы увидимъ что послѣ всего этого ряда чудесъ мы... въ концѣ концовъ ничего не достигли, что все осталось по старому, что все стало даже гораздо хуже!

Мы знаемъ, Сіонисты, что слова наши будутъ вамъ непріятны и вы, можетъ быть, заткнете себѣ уши, ибо трудно отречься отъ мечты, въ которую вѣрить *хочется*; трубные звуки, военные гимны и заманчивыя миражныя картины легко воспаляютъ и опьяняютъ, и этимъ объясняется то модное увлеченіе Сіонизмомъ, которое охватило теперь такое множество нашихъ братьевъ. Но не будемъ дѣтьми, играющими въ солдаты и самоувѣренно выступающими въ своей дѣтской комнатѣ противъ бури и скалъ, львовъ и тигровъ; помните, что отъ насъ ждутъ спасенія 10 милліоновъ страдающихъ братьевъ нашихъ и что намъ не позволительно заниматься поэзіей и *мечтать*, но что мы обязаны *мыслить*.

II.

Что же намъ дѣлать? Оставаться въ теперешнемъ положеніи невозможно, ибо оно несосно и мы непремѣнно должны искать выхода изъ него, если уже не ради себя самихъ, то ради дѣтей и потомковъ нашихъ и ради милліоновъ темныхъ беспомощныхъ братьевъ нашихъ, которые отъ насъ, интеллигенціи, ожидаютъ и вправдѣ ожидать спасенія. Но тѣ дороги, которыя намъ до сихъ поръ указывались, а именно псевдоассимиляція и сіонизмъ, составляютъ, какъ мы выше доказали, ни на чемъ не основанную и ни къ чему не ведущую игру словъ и пустую фантазію. Что же, спрашивается, намъ дѣлать и въ чемъ искать спасенія?

Для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы должны прежде всего хорошенько и основательно уяснить себѣ *сущность*, главную *причину* нашего исключительнаго положенія между народами, словомъ сущность и причины „еврейскаго вопроса“. Причинъ этихъ какъ будто искали и Сіонисты, но они совершали свое изслѣдованіе слишкомъ поверхностно и субъективно: безъ всякой самостоятельной критики они ухватились слѣпо за ту причину, которая была ошибочно выставлена въ отдаленной древности, а именно: наше изгнаніе изъ земли нашей, нашъ „голусь“; подъ вліяніемъ безсознательной традиціи они ухватились за одинъ изъ *симптомовъ* нашей болѣзни и указали на него какъ на *суть* и *причину*, ни на минуту не задавая себѣ вопроса, есть ли этотъ симптомъ дѣйствительно причиной или только однимъ изъ *слѣдствій* нашей болѣзни и исчезнетъ ли болѣзнь съ устраненіемъ этого симптома, если онъ вообще устранимъ безъ удаленія вызвавшей его причины.

Посмотримъ, въ чемъ состоитъ нашъ „голусь“ и откуда онъ явился. Обыкновенно объясняютъ его слѣдующимъ образомъ: „Въ древности еврейскій народъ былъ побѣжденъ и обезсиленъ и сыны его должны были разсѣяться по чужимъ странамъ; оттуда начался голусь и безконечныя страданія евреевъ“. Но не трудно доказать, что это объясненіе ложное. Изъ исторіи намъ извѣстно вѣдь очень хорошо, что не одни евреи были побѣждены, обезсилены и разсѣяны; такая судьба постигла раньше или позже всѣ извѣстные намъ древніе народы, которые взаимно убивали, поглощали и замѣняли другъ друга на міровой аренѣ. Слѣдовательно, лишь только какой-нибудь изъ этихъ народовъ былъ побѣжденъ, для него въ силу вышеприведеннаго объясненія сейчасъ же долженъ былъ начаться голусь и вѣчный „вопросъ“. А такъ какъ въ теченіе всей исторіи человечества такихъ народовъ и народцевъ было огромное множество, то слѣдовательно теперь должно было бы быть безчисленное множество различныхъ „голусовъ“ и „вопросовъ“. А между тѣмъ извѣстно, что изъ всего огромнаго множества древнихъ народовъ, которые лишились своей самостоятельности, только одинъ еврейскій народъ подвергся такому странному и безпримѣрному въ исторіи явленію, какъ нашъ многовѣковой и въ будущемъ повидимому безконечный голусь. Ясно, слѣдовательно, что причина нашего исключительнаго и ненормальнаго положенія кроется не въ томъ, что наши отдаленные предки были когда-то побѣждены и лишены земли своихъ отцовъ; а если не въ этомъ явленіи кроется причина еврейскаго вопроса, то слѣдовательно уже напередъ можно было бы сказать, что не въ устраненіи этого явленія заключается рѣшеніе еврейскаго вопроса.

Наше исключительное и ненормальное положеніе вызвано не потерей земли и самостоятельности — потерей, выпавшей на долю *всѣхъ* древнихъ народовъ — а чѣмъ-то другимъ, присущимъ спеціально *намъ*. Вотъ это „нѣчто спеціально наше“, которое такъ отличило нашу исторію и судьбу отъ исторіи и судьбы другихъ народовъ, мы и должны прежде всего отыскать, если мы желаемъ узнать истинную причину возникновенія еврейскаго вопроса, а слѣдовательно и дорогу, ведущую къ его разрѣшенію.

Всякій народъ, оказавшійся разъ въ положеніи евреевъ, т. е. побѣжденный и разгромленный на столько, что о политическомъ его оживленіи уже не могло быть рѣчи, подвергался постепенно слѣдующимъ метаморфозамъ: если это былъ народъ слабый и съ низкою степенью культуры въ сравненіи съ народомъ побѣдившимъ, онъ просто всасывался въ окружающіе элементы, принималъ постепенно ихъ языкъ, вѣру, нравы, и по истеченіи нѣкотораго времени совершенно исчезалъ изъ исторіи; если побѣжденный народъ въ сравненіи съ побѣдителями обладалъ одинаково могучимъ духомъ и высокою культурою, тогда онъ не исчезалъ въ окружающихъ элементахъ, а только *смѣшивался* съ ними, создавая постепенно народъ *новый, средній*, не идентичный ни съ бывшими побѣдителями, ни съ бывшими побѣжденными; если наконецъ побѣжденные стояли на болѣе высокой степени культуры, чѣмъ побѣдители, тогда они, не смотря на свою побѣжденность, прямо *всасывали* въ себя побѣдителей и создавали народъ, который, правда, носилъ имя побѣдителей, но по духу и сущности своей гораздо болѣе напоминалъ побѣжденныхъ. Такъ, на примѣръ, разгромленный и разсѣянный по всему тогдашнему міру Римскій народъ номинально исчезъ, правда, изъ исторіи, но въ дѣйствительности онъ во многихъ мѣстахъ только преобразился въ народы съ чисто римскимъ характеромъ (романскіе народы). Такимъ образомъ мы видимъ, что побѣжденность и политическая уничтоженность нисколько не составляли исключительнаго удѣла евреевъ, а выпали раньше или позже на долю *всѣхъ* народовъ, прожившихъ извѣстное количество столѣтій; но *всѣ* эти народы, какимъ бы духомъ и характеромъ они ни обладали, на какой бы ступени культуры они ни стояли, послѣ своего политическаго уничтоженія подвергались мало по малу одному и тому-же великому и непреложному закону исторіи: *взаимному всасыванію и смѣшенію съ окружающими элементами*. И хорошо имъ было: нѣкоторое короткое время они страдали, но, по мѣрѣ смѣшенія элементовъ, эти страданія мало по малу совершенно исчезали, побѣжденные вмѣстѣ съ побѣдителями, слившись воедино, шли впередъ, постоянно омлаждая человѣчество, замѣняя въ немъ одряхлѣвшіе элементы болѣе юными, испортившіеся соки болѣе свѣжими. Одинъ только еврейскій народъ воспротивился этому общему закону исторіи, и когда теченіе событій сказало ему „умри и смѣшайся съ окружающими тебя элементами“, онъ безсознательно отвѣтилъ: „я не могу умереть!“ И вотъ тогда возникаетъ несчастная фигура вѣчнаго жида, который въ теченіе вѣковъ и тысячелѣтій бродитъ по міру безъ отдыха и пристанища, гонимый и преслѣдуемый, дряхлый и согбенный; безконечный рядъ народовъ одинъ за другимъ умираетъ на его глазахъ, а онъ упорно стоитъ, вѣчно и вѣчно, словно живой протестъ противъ самыхъ элементарныхъ законовъ природы и исторіи.

Вотъ въ этой-то нашей невозможности исторически умереть, т. е. смѣшаться съ окружающими элементами, растворяясь въ нихъ или растворяя ихъ въ себѣ и создавая вмѣстѣ съ ними новые народы, въ этой тупой и безцѣльной окаменѣлости и бесплодности, которая не приноситъ намъ ни радости, ни славы, въ этомъ заключается то единственное „нѣчто“, которымъ наша исторія разнится отъ исторіи другихъ народовъ и благодаря которому она приняла такое ненормальное теченіе; въ этой невозможности ни всасываться, ни всасываться, заключается, слѣдовательно, первоначальная и фундаментальная причина всего „еврейскаго вопроса“. Нашъ „голусъ“, какъ мы видѣли изъ многочисленныхъ историческихъ аналогій, представляетъ, слѣдовательно, не *причину* нашей болѣзни, а только одно изъ *слѣдствій* ея. Онъ заключается въ насъ самихъ, онъ созданъ нами самими, онъ тѣсно и нераздѣльно связанъ съ *сущностью и внутреннимъ строемъ* еврейства и поэтому никогда не исчезнетъ до тѣхъ поръ, пока мы не измѣнимъ этой сущности нашей. Политическую самостоятельность теряли многіе народы, и не мало такихъ народовъ есть и въ наше время; но *голусъ* и соединенная съ нимъ озлобленная ненависть и презрѣніе со стороны окружающихъ достались въ удѣлъ однимъ только евреямъ и проходятъ красною нитью черезъ всю ихъ исторію. Едва успѣли сыновья Якова положить начало еврейскому народу, народъ этотъ уже уходитъ къ Египтянамъ въ голусъ, и уже возникаетъ антисемитизмъ, такъ разительно напоминающій уже не только суть, но даже форму и пускаемыми въ ходъ выраженіями антисемитизмъ современный! Но тогда еще легко было вывести евреевъ изъ голуса, такъ какъ они все таки были всѣ вмѣстѣ и говорили однимъ языкомъ. Они опять основали самостоятельный народъ и государство. Но не успѣли они слишкомъ долго насладиться самостоятельностью, какъ они опять попадаютъ въ голусъ — не въ обыкновенное *порабощеніе* подобно другимъ народамъ, какому они подвергались уже раньше, на примѣръ со стороны филистимлянъ, а въ типичный, непримѣрный у другихъ народовъ, еврейскій голусъ, опять таки съ тѣмъ озлобленнымъ антисемитизмомъ, который во всемъ такъ разительно напоминаетъ антисемитизмъ современный (сравните на примѣръ слова Гамана со словами теперешнихъ антисемитовъ!). Но и изъ этого голуса имъ какъ-то удалось еще выйти благодаря тому, что онъ продолжался недолго, что они были всѣ вмѣстѣ и говорили однимъ языкомъ, — хотя и то освободились они не собственною доблестью, а только благодаря невозможной въ наше время милостивой прихоти персидскаго царя. Не успѣли они устроиться, какъ уже опять начинается рядъ порабощеній, а вслѣдъ за этимъ опять является въ третій разъ типичный, ни у какого народа не встрѣчаемый „голусъ“, но на этотъ разъ уже голусъ тяжелый и окончательный, который тянется уже почти два тысячелѣтія и которому конца уже никогда не предвидится, ибо съ того времени условія жизни уже сильно, очень сильно перемѣнились! Евреи уже не живутъ вмѣстѣ гдѣ-нибудь въ двухъ шагахъ отъ Палестины, а разсѣяны по всему земному шару; языкъ свой и возможность понимать другъ друга они давно потеряли, условія для массовыхъ переселеній народовъ давно уже исчезли; возвращеніе нѣсколькихъ десятковъ тысячъ евреевъ въ Палестину было бы уже только каплей въ морѣ, которая не заставила бы все остальное еврейство исчезнуть, а еврейской исторіи концентрироваться на этихъ нѣсколькихъ десяткахъ тысячъ; чудесъ теперь уже нѣтъ, а милостивые капризы какого-нибудь государя, которому подчинены были бы одновременно и Палестина, и все еврейство, теперь уже не мыслимы; сама Палестина давно уже не представляется тѣмъ индифферентнымъ для міра кускомъ земли, какъ когда-то, и полна непреодолимыхъ препятствій для насъ. Словомъ теперь о возвращеніи еврейскаго народа въ Палестину, какъ мы выше доказали, не можетъ уже быть и рѣчи; еслибы даже миллиону евреевъ удалось основать опять въ Палестинѣ еврейское государство, это — какъ мы выше доказали — голуса остальныхъ девяти миллионовъ, т. е. почти всего еврейства, не только не уничтожило бы, но ни на волосъ не ослабило бы. Наконецъ если даже допустить такую дѣтскую фантазію, что какимъ-либо сверхъестественнымъ чудомъ *всѣ* евреи переселились бы въ Палестину — мы по аналогіи съ тремя бывшими уже голусами, а тѣмъ болѣе теперь, при разобранномъ нами выше „вулканическомъ“ характерѣ Палестины, должны ожидать, что черезъ нѣсколько десятковъ или сотенъ лѣтъ все равно наступитъ... новый, четвертый голусъ! Ибо какъ *теоретическія размышленія, такъ и сравненіе исторіи евреевъ съ исторіей другихъ народовъ* показываетъ намъ *вполнѣ ясно и неоспоримо, что причины еврейскаго голуса находятся не внѣ еврейства, а внутри его, въ самой сущности и въ самомъ строѣ еврейства. Всякая попытка рѣшить еврейскій вопросъ безъ устранения этого рокового элемента изъ самой сути еврейства должна слѣдовательно всегда оставаться совершенно бесплодной.* Не въ политическомъ положеніи нашемъ кроется причина вѣчнаго еврейскаго вопроса, а въ самомъ строѣ еврейства.

Намъ, евреямъ, пришлось разочароваться уже во многихъ ложныхъ надеждахъ, и увлечься теперь новою иллюзіей, обещающей намъ рѣшеніе еврейскаго вопроса путемъ устраненія какого-нибудь ничего не значущаго побочнаго явленія вмѣсто основной причины нашихъ страданій — намъ уже не простительно. Мы находили причину еврейскаго вопроса въ нашей темнотѣ, — мы просвѣтились, и на насъ стали еще больше нападать; мы мечтали о достиженіи гражданскихъ правъ, какъ о какомъ-то даже не достижимомъ, самомъ идеальномъ и окончательномъ рѣшеніи еврейскаго вопроса, — мы во всей западной Европѣ уже достигли этого, а наше положеніе тамъ все таки не стало лучше. Теперь мы увлеклись мечтой о возстановленіи древняго еврейскаго государства — мечта уже совершенно несбыточная, какъ мы выше доказали; но если бы даже мы достигли ея исполненія, мы опять таки, послѣ самыхъ тяжелыхъ и колоссальныхъ жертвъ, съ горькимъ разочарованіемъ убѣдились бы, что положеніе наше нисколько не стало лучше и что общемировая ненависть къ намъ не только не уменьшилась, но даже еще увеличилась! Перестанемъ же наконецъ обманывать себя самихъ модными и громкими фразами и на основаніи ихъ увлекаться палліативами, поищемъ *корня* еврейскаго вопроса и постараемся устранить зло въ этомъ *корнѣ*; только тогда будетъ возможно рѣшеніе еврейскаго вопроса. Корень всего еврейскаго вопроса кроется, какъ мы видѣли выше, въ еврейской *религии*; слѣдовательно не остается никакого сомнѣнія въ томъ, что рѣшеніе еврейскаго вопроса возможно только и единственно путемъ измѣненія еврейской *религии*, а всякія остальные попытки рѣшенія еврейскаго вопроса будутъ только тратой времени и переливаніемъ изъ пустого въ порожнее и взаменъ за наши тяжелыя жертвы дадутъ намъ только новый рядъ разочарованій и постоянное ухудшеніе нашего положенія.

Гдѣ же въ еврейской религіи находится то роковое „нѣчто“, которое легло тяжелымъ бременемъ на всю судьбу евреевъ, на всю ихъ исторію, и отъ самаго начала возникновенія еврейской религіи до нашихъ временъ и до нескончаемаго времени будущаго обрекло евреевъ на вѣчныя страданія, на вѣчную ненависть и презрѣніе окружающихъ, словомъ на вѣчный „голусъ“, на тотъ типичный еврейскій голусъ, котораго мы не встрѣчаемъ ни у одного изъ когда-либо жившихъ или живущихъ народовъ и который у евреевъ за очень небольшими перерывами является неразлучнымъ спутникомъ всей ихъ безконечно долгой исторической жизни и всякій разъ, будучи временно отброшенъ, неминуемо является опять? Кроется-ли это роковое нѣчто въ основной религіозно-философской идеѣ еврейской религіи? Нѣтъ; мы видимъ различныя религіи съ самыми различными идеями, отъ самыхъ возвышенныхъ до самыхъ низкихъ, и нигдѣ основа религіи голуса не вызываетъ. Основная идея еврейства вѣдь совершенно та же самая, что у христіанства, однако эта идея у христіанъ никакого голуса не вызываетъ. Кроется ли это нѣчто въ законахъ и церемоніяхъ іудаизма? Опять таки нѣтъ, по той же самой причинѣ, о которой мы только что говорили. Это „нѣчто“ цѣликомъ кроется въ одномъ пунктѣ еврейства, а именно: въ *спаянности религіи съ національностью*. Этимъ пунктомъ дѣйствительно еврейская религія роковымъ образомъ отличается отъ всѣхъ другихъ религій.

Когда первые евреи впервые произнесли несчастныя слова „Богъ заключилъ съ нами завѣтъ”, тогда положено было начало безконечному еврейскому голусу, и невольно хочется видѣть въ этомъ тяжелое наказаніе со стороны разгнѣваннаго Божества за профанацію и эгоистическую націонализацію Его имени. Ни въ одной болѣе или менѣе выдающейся религіи, ни монотеистической, ни языческой, мы ничего подобнаго не встрѣчаемъ. Нѣчто съ *виду* похожее, но ничуть не *идентичное*, мы встрѣчаемъ, правда, у языческихъ народовъ древности и у современныхъ дикихъ племенъ; но это сходство только *кажущееся*: тамъ мы имѣемъ дѣло не съ Богомъ всего міра, который заключилъ будто бы союзъ специально съ однимъ народомъ, а съ богами *мѣстными*, не съ религиозной *идеей*, а съ завѣдомо національною принадлежностью, такую же, какъ мѣстный языкъ, обычаи и т. п. Такая религія могла быть національною и при этомъ все таки нисколько не вліять на судьбу своихъ приверженцевъ; эти послѣдніе, переселяясь въ новую страну, вполне естественно и безъ малѣйшихъ препятствій со стороны совѣсти начинали поклоняться новымъ богамъ, ибо имъ казалось вполне натуральнымъ, что каждая страна имѣетъ особыхъ боговъ, которымъ новоприбывшіе должны поклоняться и которые вполне равносильны богамъ ихъ родины. Выраженіе „твой богъ будетъ отнынѣ моимъ богомъ” было такимъ же обычнымъ, естественнымъ и никого не шокирующимъ явленіемъ, какъ выраженіе „твоя страна будетъ отнынѣ моею страной, твой языкъ моимъ, твоя семья моею”. Всѣ эти народы, слѣдовательно, не смотря на мнимонациональныя религіи свои, могли вполне свободно взаимно всасываться между собою. Когда же появлялась гдѣ-нибудь религія какъ міровоззрѣніе *философское*, все равно, было ли это языческое или монотеистическое, она ничего общаго съ національностью не имѣла и считала бы подобную общность съ религиозной точки зрѣнія даже прямымъ абсурдомъ; таковы на примѣръ религіи Конфуція, Будды, Магомета. Эти религіи опять таки не являлись, слѣдовательно, ни малѣйшимъ препятствіемъ для взаимнаго всасыванія народовъ, съ тою только разницею, что религіи высшія по отношенію къ нисшимъ теряли, правда, способность всасываться, но за то въ той же мѣрѣ пріобрѣтали увеличенную способность *всасывать*, при чемъ отъ всасываемыхъ ими адептовъ нисшихъ религій онѣ никогда не требовали отреченія отъ своей національности. Одни только евреи возымѣли несчастную мысль дать міру этически-философское міровоззрѣніе и вмѣстѣ съ тѣмъ тѣсно и неразлучно связать его съ одной національностью! И горько они поплатились за это! Еврейская религія, которая по существу своему призвана была разлиться широкой волной по всему міру, съ самаго начала обложила себя оковами и явилась міру не какъ монотеизмъ, а какъ *иудаизмъ*. И этимъ она уже при самомъ рожденіи своемъ принесла съ собою на свѣтъ Божій приговоръ вѣчнаго голуса своимъ адептамъ, такъ какъ сдѣлала для нихъ совершенно невозможной всякую всасываемость и даже прямо почти всякое общеніе съ окружающими элементами, дѣлая ихъ такимъ образомъ повсюду вѣчно чужими. Всасываться въ чужіе народы они не могли потому, что ихъ религія признаетъ только *одного* Бога для всѣхъ странъ, и Богъ этотъ не можетъ быть замѣняемъ; всасывать въ себя они тоже не могли, потому что ихъ религія дана не всѣмъ тѣмъ, которые ищутъ истины и соглашаются исполнять данныя законы, а только *сынамъ Израиля*. Большинство законовъ, праздниковъ, повелѣній, вложенныхъ въ уста самого Бога, слѣдовательно неотмѣнимыхъ, приноровлено специально къ еврейскому народу, еврейскому государству, еврейской исторіи. Наконецъ самая первая изъ самыхъ фундаментальныхъ заповѣдей еврейской религіи гласитъ: „Я Богъ твой, который *вывелъ тебя изъ земли Египетской*”. Слѣдовательно для всякаго не-израильянина по происхожденію еврейская религія по самому существу своему оказывалась всегда недоступной и прямо обидной и вызывающей, какой-то эгоистической окаменѣлостью, которая не способна ни всасываться, ни всасывать въ себя и всѣмъ колетъ глаза и мѣшаетъ. Всякая другая семья на мѣстѣ сыновей Якова, переѣхавши въ Египетъ, не имѣла-бы никакихъ страданій, — вѣдь такія переселенія семействъ происходятъ во множествѣ сплошь да рядомъ: они скоро приросли бы къ новой родинѣ, сжились бы съ Египтянами, начали бы сливать Египтянъ съ собою, т. е. распространяли бы свою вѣру, или, на половину смѣшавшись съ Египтянами, положили бы тамъ-же начало новому государству; евреямъ-же достался въ удѣлъ голусъ со всѣми его подробностями, которыя такъ типично и такъ специфически для однихъ только евреевъ повторялись потомъ все на-ново и на-ново почти во всей будущей исторіи евреевъ: полною отчужденностью и беспочвенностью, озлобленной ненавистью и презрѣніемъ со стороны окружающихъ, гетто, и т. п. И въ этомъ была не вина евреевъ, потому что нельзя же допустить, что семья Якова была создана изъ иной плоти и крови, чѣмъ все остальное человѣчество; виноватъ былъ въ этомъ только тотъ нигдѣ во всемъ мірѣ кромѣ еврейства не встрѣчаемый религиозный национализмъ, который несчастнымъ образомъ легъ краеугольнымъ камнемъ въ основу еврейской религіи и который дѣлалъ для евреевъ всегда недоступнымъ всякое общеніе съ окружающимъ міромъ. Эта каменная стѣна, которою еврейство себя окружило, вызывала противъ нихъ всегда ненависть и презрѣніе даже въ то время, когда они еще составляли одну семью, жили всѣ вмѣстѣ и говорили однимъ языкомъ; но тогда по крайней мѣрѣ это отчасти уравновѣшивалось тѣми благами, которыя давала національность; теперь же, когда отъ еврейской національности, какъ мы видѣли выше, давно уже не осталось ни слѣда, мы оказываемся прикованными просто къ *трупу*. Локально-родовая форма еврейской религіи въ настоящее время является уже не только философско-религиознымъ абсурдомъ, но и полнѣйшимъ анахронизмомъ; и до тѣхъ поръ, пока эта форма будетъ существовать, страданія евреевъ никогда, никогда не

прекратятся ни отъ либерализма народовъ, ни отъ Сіонизма, и черезъ 100 и черезъ 1000 лѣтъ къ еврейству всегда съ одинаковой силой будутъ относиться вѣщія слова Гейне: „Das Judenthum ist keine Religion, es ist ein Unglück“.

Итакъ, резюмируя все изложенное нами, повторяемъ: Не смотря на кажущійся религіозный индифферентизмъ нашего вѣка, не смотря на то, что теперь принято говорить такъ мало о религіяхъ, а такъ много о расахъ, націяхъ, экономическихъ вопросахъ и т. п., все несчастье евреевъ и весь еврейскій вопросъ заключается исключительно въ еврейской *религіи*; не въ *вѣрѣ*, которая принадлежитъ къ области философіи и которая у интеллигентнаго антисемита такая-же, какъ у интеллигентнаго еврея, у крещенаго еврея такая-же, какъ у не крещенаго, а именно въ *религіи*, въ религіозномъ строѣ. Рѣшеніе еврейскаго вопроса и уничтоженіе еврейскаго голуса возможно слѣдовательно только путемъ *измѣненія еврейской религіи*.

Тутъ является вопросъ, *слѣдуетъ* ли намъ измѣнить свою религію, чтобы этимъ путемъ спасти отъ страданій свое потомство? Если бы мы знали, что тѣ стороны нашей религіи, за которыя мы страдаемъ, заключаютъ въ себѣ нѣчто возвышенное и идеальное, мы измѣнить ихъ *не* должны были бы, хотя бы даже намъ приходилось страдать за нихъ въ десять разъ больше теперешняго; но впрочемъ... тогда бы мы и не страдали, потому что сознаніе исполняемаго долга, сознаніе того, что мы страдаемъ за великую идею, съ избыткомъ вознаграждало бы насъ за наши страданія. Но такъ какъ мы, интеллигентные евреи, всѣ сознаемъ, что та внѣшняя форма еврейской религіи, на которую мы указали какъ на причину всѣхъ еврейскихъ страданій, не содержитъ въ себѣ ровно ничего особенно идеальнаго, такъ какъ она ничуть не составляетъ нашихъ убѣжденій, мы ее совершенно не исполняемъ, видимъ въ ней только пустой звукъ и часто даже просто стыдимся ея, — то спрашивается, во имя чего мы страдаемъ и обрекаемъ на страданія дѣтей нашихъ? Во имя фантома, пустого фантома, которому мы сами не приписываемъ никакого значенія! Если человѣкъ самъ добровольно, безъ всякой цѣли и идеи, топить себя въ болотѣ, то это глупо; но если онъ изъ-за одной слѣпой традиціи, потерявшей для него всякій смыслъ, даетъ тамъ тонуть своимъ слѣпымъ братьямъ, своимъ безпомощнымъ дѣтямъ, и не дѣлаетъ ни малѣйшей попытки вывести ихъ оттуда, то это уже не глупо, а прямо нечестно. Еврейская религія, которая по основной идеѣ своей представляетъ величайшее и геніальнѣйшее произведеніе человѣческаго ума и сердца, — силою измѣнившихся обстоятельствъ, къ которымъ мы не приноровились, превратилась къ сожалѣнію въ подобное несчастное болото, въ которомъ всѣ мы тонемъ, сами не зная уже, во имя чего; поэтому стараться вывести оттуда себя, своихъ братьевъ и дѣтей, мы не только *можемъ*, но мы *должны*, мы *обязаны* это сдѣлать. Со стороны нашихъ предковъ упорное отстаиваніе старыхъ еврейскихъ формъ было похвально и благородно, ибо они были убѣждены, что въ этомъ кроется святая истина и спасеніе; съ нашей же стороны это было-бы только нечестнымъ малодушіемъ, непростительнымъ индифферентизмомъ, котораго никакія софистическія фразы оправдать не могутъ; ибо мы знаемъ хорошо, что въ сохраненіи внѣшняго еврейства въ смыслѣ спеціальнаго союза Бога съ сынами Израиля нѣтъ никакой возвышенной идеи и что въ немъ кроются только вѣчныя страданія милліоновъ братьевъ нашихъ. Подобно тому, какъ мы, разъ убѣдившись въ гибельности невѣжества, обязаны были извлечь изъ него народъ нашъ, не смотря на то, что приходилось ломать традиціи, казавшіяся народу священными, такъ и теперь, убѣдившись, что теперешняя форма еврейства не содержитъ въ себѣ ничего священнаго, а только гибель и страданія, которымъ никогда конца не будетъ, мы должны вывести изъ нея братьевъ нашихъ, а не сидѣть сложа руки или кормить народъ беспочвенными фантазіями и оправдывать наше поведеніе любовью къ традиціямъ. Мы должны помнить, что темные братья наши имѣютъ въ насъ своихъ единственныхъ опекуновъ и что за ихъ судьбу мы несемъ тяжелую отвѣтственность передъ своею совѣстью. Мы должны, слѣдовательно, измѣнить еврейскую религію. Измѣнить слѣдуетъ, разумѣется, прежде всего тотъ элементъ, который, какъ мы видѣли выше, составляетъ всю суть и причину вѣчныхъ еврейскихъ страданій, т. е. *ложно-національность* религіи, которая на нѣсколько тысячелѣтій остановила въ еврействѣ всякую способность диффузіи и возможность свободной эволюціи, а затѣмъ одновременно надо уже измѣнить и всѣ тѣ вредныя наслоенія, которыя накопились на еврействѣ въ теченіе безконечнаго голуса, связали евреевъ во всѣхъ отношеніяхъ по рукамъ и ногамъ, насильственно съузили имъ выборъ занятій, наложили губительную печать на ихъ характеръ и весь образъ ихъ дѣятельности, и ту чистую, высокую религію, о которой мечталъ Моисей и которую такъ точно поняли пророки, превратили въ предметъ всеобщаго презрѣнія и издѣвательства всего міра. Мы знаемъ, конечно, что мы слишкомъ безсильны для того, чтобы сразу измѣнить религію десяти милліоновъ человѣкъ; но мы къ подобной утопіи и не стремимся. Мы желаемъ только основать сначала скромную и небольшую реформированную еврейскую общину, которая, будучи лишена всѣхъ отрицательныхъ сторонъ теперешняго еврейства, представила бы собою нравственное убѣжище для всѣхъ тѣхъ, которымъ злосчастный еврейскій вопросъ вырвалъ всякую почву изъ-подъ ногъ; общину, которая имѣла бы всѣ данныя для того, чтобы постепенно втягивать въ себя все большія и большія массы еврейства до тѣхъ поръ, пока наконецъ все еврейство будетъ перелито въ эту новую форму и изъ группы людей всюду презираемой и чужой превратится постепенно въ группу людей всюду уважаемую и прислужную къ натуральной родной почвѣ безъ малѣйшихъ сдѣлокъ со своею совѣстью.

Въ первую минуту читатели вѣроятно очень скептически отнесутся къ словамъ нашимъ. Имъ извѣстно, что возникали уже различныя реформированныя секты, что онѣ еврейскаго вопроса нисколько не рѣшали, а оканчивались только полнѣйшимъ фіаско, и читателямъ покажется, что и мы хотимъ теперь преподнести имъ одну изъ такихъ смѣхотворныхъ сектъ. Успокойтесь, читатели: между нашимъ предложеніемъ и этими сектами есть только случайная общность названія, но ничего больше, ничего больше. Съ упомянутыми реформаторами мы сходимся подъ однимъ общимъ именемъ только *случайно*, подобно тому, какъ подъ общимъ именемъ реформаторовъ платья могли бы сойтись врачъ, требующій отмѣны даннаго платья ради цѣлей гигиеническихъ, и модный портной, требующій реформы даннаго платья въ угоду салонному капризу. Разница между однимъ и другимъ громадная! Въ то время, какъ упомянутые реформаторы мѣняли религію только для себя, руководясь просто наугадъ тѣмъ, что имъ нравится или не нравится, что для нихъ удобно или неудобно, что по ихъ мнѣнію понравится окружающимъ или нѣтъ, — мы предлагаемъ приступить къ реформѣ еврейской религіи только по столько, по сколько мы въ этой религіи нашли корень и единственную причину всего еврейскаго вопроса. Изъ всего сказаннаго нами выше читатель уже напередъ пойметъ, что мы не предложимъ ему реформу какъ какую-то переходную забаву, которой суждено продержаться нѣсколько мѣсяцевъ и исчезнуть, а что мы предложимъ провести реформы (если онѣ будутъ одобрены еврейской интеллигенціей) осторожно, послѣдовательно и систематически, по строго обдуманному плану, руководясь не пустыми капризами моды, а серьезнымъ опытомъ исторіи, имѣя постоянно въ виду не мелкій личный комфортъ маленькой группы, а будущность той десятимилліонной массы, для постепеннаго притягиванія которой наша община назначается. Мы не порвемъ безъ надобности съ традиціями, которыя въ религіозныхъ вопросахъ играютъ огромную роль и устраненіе которыхъ обрекаетъ всякую реформу на неминуемое фіаско; мы не оторвемъ себя эгоистически и легкомысленно отъ нашей массы, оставляя ее на произволъ судьбы, а себя самихъ ставя въ положеніе людей, которые отъ своихъ отстали, а къ чужимъ не пристали. Упомянутыя нами попытки не могли быть жизнеспособны уже просто потому, что въ самой основѣ ихъ лежала не какая-нибудь здоровая и честная идея, а стремленіе къ *смерти*: реформаторы *стыдидились* еврейства и хотѣли какъ можно больше *стушевать* его. Мы же, напротивъ, какъ читатели увидятъ, стремимся къ тому, чтобы нашу вѣроисповѣдную группу *укрѣпить*, чтобы открыто, и гордо выставить ее *на показъ* передъ всѣмъ міромъ, но только дать ей твердую *почву*, дать ей *здоровую и нормальную жизнь* и, прекративъ ея вѣчное заискиваніе, обезьянничаніе и самоуниженіе, сдѣлать ее *достойною жизни* и заставить людей *уважать* ее. Наше предложеніе реформъ вызвано только желаніемъ достигнуть *рѣшенія еврейскаго вопроса*; въ *этомъ* слѣдовательно духѣ только оно и будетъ нами проводимо, въ отличіе отъ тѣхъ легкомысленныхъ эфемерныхъ оторвавшихся отъ еврейства *сектъ*, съ которыми наше предложеніе ничего общаго не имѣетъ.

Тутъ первая мысль, которая вѣроятно инстинктивно придетъ въ голову нашимъ читателямъ, будетъ слѣдующая: „Національно-религіозное еврейство заключаетъ въ себѣ какую-то особую силу, противъ которой всякія попытки окажутся напрасными; это еврейство въ теченіе тысячелѣтій до сихъ поръ не исчезло, а слѣдовательно и въ будущемъ не исчезнетъ, не смотря на всякія усилія и теоріи; еврейская масса никогда отъ узаконенной вѣками формы теперешняго еврейства не откажется”. Но мнѣніе это, не смотря на свою кажущуюся историческую силу, вполне ошибочно: вся кажущаяся назидательность еврейскаго безсмертія моментально исчезнетъ, если мы логически уяснимъ себѣ *причины* этого страннаго безсмертія. Отличается ли еврейскій народъ дѣйствительно какою-то особою жизненностью, какъ могло бы показаться на первый взглядъ? Нѣтъ, исторія намъ показываетъ, напротивъ, что можетъ быть ни одинъ народъ не бросалъ своего языка и своей земли, т. е. всего своего національнаго „я”, такъ скоро, какъ евреи, и что отъ евреевъ давнымъ давно не было бы уже и слѣда, еслибы не ихъ религія. Стойкою оказалась, слѣдовательно, только еврейская *религія*. Но дѣйствительно ли она имѣетъ въ себѣ нѣчто вѣчнаго? Уже аргіогі можно сказать, что религія, какъ принадлежащая къ области *убѣжденій*, индивидуальной жизни не имѣетъ, а можетъ держаться только такъ долго, пока не появляется новое убѣжденіе, *лучшее и болѣе истинное*. Съ появленіемъ этого послѣдняго убѣжденія первое обрекается на неминуемую смерть, хотя бы оно раньше держалось въ теченіе тысячелѣтій и хотя бы казалось, что масса растерзаетъ всякаго, кто осмѣлится тронуть въ прежнемъ убѣжденіи хоть одинъ волосокъ. Такъ говоритъ намъ логика и такъ говорятъ намъ многочисленные факты изъ области человѣческой мысли и человѣческихъ религій. *Каждый* народъ, каждый безъ исключенія, упорно держался своей старой религіи, сжигая живьемъ первыхъ проповѣдниковъ религіи новой, и судя по этому упорству, казалось, что и въ милліонъ лѣтъ онъ прежней своей вѣры не измѣнитъ, — а между тѣмъ проходило всего какихъ-нибудь 50 лѣтъ со дня появленія первыхъ проповѣдниковъ — и народъ оказывался всею массою перешедшимъ къ новой религіи. Отчего же одни только евреи такъ упорно держатся своей религіи, не смотря на то, что во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ они оказались гораздо менѣ стойкими, чѣмъ другіе народы, и что на нихъ вѣдь производилось всегда давленіе гораздо болѣе жестокое, чѣмъ на всѣ другіе народы, если уже допустить мысль, что народы мѣняли религіи подъ давленіемъ и приказомъ своихъ правителей или побѣдителей? Созданы ли евреи изъ другой глины, чѣмъ всѣ народы, какъ говорятъ враги наши? Нѣтъ, причина этой стойкости очень натуральная: Въ то время какъ *отдѣльныя* личности могутъ мѣнять свою религію вопреки своимъ убѣжденіямъ, изъ-за матеріальныхъ выгодъ, *массы* никогда этого дѣлать не могутъ, ибо массовая нечестность, массовая сдѣлка съ совѣстью невозможна; цѣлые народы могутъ поэтому мѣнять религію только тогда, когда новая религія стоитъ *выше* старой. Языческіе народы легко принимали христіанство, но никакія силы въ мірѣ не могли бы заставить какой-нибудь христіанскій народъ принять язычество. Когда языческіе народы встрѣтились съ христіанствомъ, они нашли въ немъ нѣчто высшее и должны были уступить; евреи же въ отношеніи къ христіанству оказались въ странномъ и исключительномъ положеніи: въ началѣ евреи принимали христіанство очень охотно, и первые христіане, какъ извѣстно, рекрутировались почти исключительно изъ евреевъ; но потомъ, при всей возвышенности чистаго христіанскаго ученія, евреи встрѣтились тамъ съ догматомъ персонификаціи, котораго они, какъ воспитанные вѣками на извѣстныхъ религіозныхъ принципахъ, принять никоимъ образомъ не могли; пропагандировать же *свою* религію они тоже не могли, вслѣдствіе генеалогически-національнаго характера этой религіи. Такимъ образомъ они оказались въ оригинальномъ безвыходномъ положеніи, безпримѣрномъ во всей исторіи человѣчества: разсѣянные между народами, они не могутъ ни раствориться въ нихъ, ни растворить ихъ въ себѣ. А такъ какъ религія, какъ и всякій формальный уставъ вообще, не можетъ постепенно самъ собою затираться безъ сознательнаго постановленія, какъ затираются языкъ, обычаи и т. п., и такъ какъ массовое постановленіе со стороны евреевъ принять чужую религію, противорѣчащую ихъ основнымъ убѣжденіямъ, невозможно потому, что массовая сдѣлка съ совѣстью никогда не мыслима, то поэтому изолированность евреевъ остается вѣчною, производя ложное впечатлѣніе чего-то необыкновенно стойкаго и жизненнаго. Преслѣдуйте евреевъ сколько угодно, и еврейство все таки не исчезнетъ; превратите всѣхъ евреевъ поголовно въ атеистовъ, и еврейская религія все таки не исчезнетъ и всѣ эти атеисты будутъ все таки продолжать называть себя исповѣдующими еврейскую религію, а къ христіанству себя не припишутъ. Но въ этомъ ничуть не заслуга и не вина евреевъ, ни еврейской религіи. Евреи не созданы изъ другой плоти и крови, чѣмъ другіе народы. *Кажущаяся стойкость и жизненность староформеннаго еврейства происходитъ только отъ тѣхъ непреодолимыхъ стѣнъ, которыми окружающія религіи благодаря своимъ невозможнымъ для евреевъ догматамъ, а еврейская религія благодаря своему генеалогически-національному характеру обставили еврейство*. Мы просимъ обратить вниманіе на этотъ фактъ, ибо только *этотъ* фактъ объясняетъ всю исторію евреевъ въ послѣднія двѣ тысячи лѣтъ и всю ненормальность ихъ положенія. Въ этомъ естественномъ обстоятельстве кроется весь секретъ всей сверхъестественной жизненности евреевъ и ихъ безконечнаго висѣнія между небомъ и землею. Стойкость и жизненность еврейства не кроются въ немъ самомъ, а только въ тѣхъ стѣнахъ, которыми онъ окруженъ; *каждый* народъ, попавши въ подобное исключительное положеніе, вопреки собственной волѣ и характеру оказался бы такимъ же никогда не умирающимъ „вѣчнымъ жидомъ”. Самый слабый ягненокъ, не смотря на всѣ терзанія,

будет *поневоля* держаться упорно самага мужественнаго льва, если вы окружите его стѣнами, которыхъ онъ перескочить *не можетъ*. Въ положеніи такого ягненка находится и еврейскій народъ, нисколько не обладающая какою-либо сверхъестественною стойкостью, какую многие ошибочно ему приписываютъ, принимая слѣдствія за причину. Вникните въ это хорошенько, потому что въ этомъ кроется вся суть еврейскаго вопроса. Пробейте стѣну и дайте евреямъ возможность безъ немыслимой массовой лжи и униженія выйти на нейтральную почву, которая возвратитъ имъ утраченную еще въ отдаленной древности способность *всасывать и всасываться*, и все легендарное упорство и стойкость староформеннаго еврейства исчезнетъ какъ сонъ. Тѣ массы, которыя стоятъ теперь гранитною скалою на традиціяхъ времени давно минувшихъ, пересыплются на новую почву гораздо легче и скорѣе, чѣмъ можно было бы предположить. Та же самая сплошная фанатическая масса, которая теперь кажется вамъ абсолютно недоступной для новаго ученія, черезъ 50 или 100 лѣтъ будетъ вѣроятно такимъ же массовымъ фанатическимъ стражемъ новаго ученія, если, разумѣется, послѣднее будетъ ей дано въ доступной ей чувствамъ конкретной формѣ, а не въ видѣ холодной абстрактной философіи. Примѣры этому мы видимъ въ исторіи народовъ на каждомъ шагу, а евреи — повторяемъ — не созданы изъ другаго матеріала, чѣмъ иные народы, а только находились до сихъ поръ въ исключительныхъ условіяхъ. Такую нейтральную спасительную почву для еврейскаго народа мы именно желаемъ создать подъ формой Гиллелизма, который, начавшись съ малой общины, будетъ скоро расти и усиливаться и постепенно поглотитъ въ себя все еврейство, превращая его изъ группы людей презираемой, всюду чужой и напрашивающейся — въ группу людей уважаемую, приросшую, подобно всѣмъ людямъ, къ матери-землѣ, сознающую и охраняющую свое собственное достоинство. Мы изложимъ сначала въ краткихъ словахъ сущность Гиллелизма, а затѣмъ объяснимъ, какимъ образомъ такое повидимому скромное дѣло, какъ основаніе первой общины Гиллелитовъ, положить начало постепенному, но безостановочному и вѣрному, реальному и благородному рѣшенію еврейскаго вопроса.

III.

Гиллелизмъ есть новая религіозная партія, которую предполагается нами создать на лонѣ существующей до сихъ поръ еврейской религіи, если наше настоящее обращеніе къ еврейской интеллигенціи найдетъ достаточный откликъ въ ихъ сердцахъ. Гиллелизмъ есть та же самая еврейская религія, которую далъ намъ Моисей и которую проповѣдывали пророки, но освобожденная отъ той посторонней примѣси, которая въ свое время была необходима, но теперь давно уже стала полнѣйшимъ анахронизмомъ.

Религія Гиллелитовъ не новая. По идеѣ своей она существуетъ съ незапамятныхъ временъ въ сердцахъ всѣхъ людей, а главный принципъ ея былъ формулированъ еще 2000 лѣтъ тому назадъ рабби Гиллелемъ, имя котораго наша религія и носить. Наша религія есть только практическое и конкретное осуществленіе той религіи, которая теоретически въ свое время была установлена великимъ Гиллелемъ.

Прежде чѣмъ мы перейдемъ къ изложенію сущности Гиллелизма, мы должны обратить особенное вниманіе нашихъ слушателей на слѣдующее обстоятельство: Благодаря тому факту, что мы употребляемъ повсюду выраженіе „наша религія“, „Гиллелитская религія“ и т. п., наше обращеніе на многихъ читателей произведетъ вѣроятно такое впечатлѣніе, будто мы хотимъ выступить съ какою-то *новоу вѣроу*!! Настоятельно просимъ читателей отбросить всякую подобную мысль, такъ какъ она была бы совершенно ложна. *Мы не имѣемъ ни малейшаго поползновенія выступить съ какою-либо новоу вѣроу*. Появленіе новой вѣры въ наше время вообще уже немыслимо; а еслибы таковая и могла когда-нибудь еще появиться, то во всякомъ случаѣ не мы дерзнули бы явиться основателемъ ея. Это могъ бы сдѣлать только человекъ съ великимъ божественнымъ вдохновеніемъ, съ необыкновенной силой духа, обладающій сверхъестественнымъ даромъ дѣйствовать на человѣческія сердца и умы, увлекающій ихъ собственнымъ примѣромъ своего великаго и чистаго духа, не отступающаго передъ величайшими страданіями. Мы не чувствуемъ за собою и капли подобнаго божественнаго вдохновенія и не имѣемъ ни малѣйшаго желанія дерзновенно вторгнуться въ божественную область вѣры. Подъ словомъ „Гиллелитская религія“ мы подразумѣваемъ не какую-нибудь новую вѣру, а только новую *внѣшнюю соціально-религіозную организацію* на лонѣ давно уже существующей еврейской религіи. Просимъ нашихъ читателей помнить объ этомъ! Если мы въ данномъ случаѣ употребляемъ повсюду слово „религія“, то это только потому, что мы не имѣемъ подъ рукой другого, болѣе точнаго термина. *Божественной* стороны религіи мы, не будучи призваны къ этому, коснуться не дерзаемъ, предоставляя ее вполнѣ личному убѣжденію каждаго человека и вдохновеннымъ проповѣдямъ великихъ духовныхъ вождей челоѣчества; мы будемъ говорить только о чисто *человѣческой* сторонѣ религіи, т. е. о той чисто конкретной, такъ сказать тѣлесной формѣ религіи, которая установлена обыкновенными смертными и можетъ быть также измѣняема обыкновенными смертными. Говорить о *духовной* сторонѣ религіи намъ впрочемъ даже нѣтъ никакой надобности; такъ какъ она съ еврейскимъ вопросомъ и съ еврейскимъ голосомъ ничего общаго не имѣетъ; во что мы вѣруемъ и во что не вѣруемъ, это не только не подлежитъ нашему произволу, но объ этомъ насъ никто и не спрашиваетъ, и извѣстно, что у очень многихъ евреевъ и не-евреевъ духовная сторона вѣры вполнѣ идентична; насъ спрашиваютъ только, какъ мы въ соціально-религіозномъ отношеніи *устроили нашу жизнь*, наше воспитаніе и стремленія, и что написано на знамени той группы, къ которой мы себя причисляемъ. Вотъ этотъ-то ненормальный *соціально-религіозный внѣшний строй нашъ* и является, какъ мы выше доказали, единственной причиной ненормальности всей нашей исторіи и нашего положенія, ненормальности, которая лежитъ тяжелымъ бременемъ на всѣхъ членахъ нашей группы, все равно каковы бы ни были внутреннія убѣжденія каждаго изъ насъ. Ибо каждый изъ насъ — каковы бы ни были его личныя воззрѣнія и хотя бы онъ даже никакой вѣры не имѣлъ и не признавалъ — связанъ на каждомъ шагу съ той соціально-религіозной группой, къ которой онъ причисляетъ себя, съ ея институціями, обычаями, воспитаніемъ, стремленіями, съ ея жизнью и судьбою. Помните поэтому, что говоря о Гиллелитской религіи, мы подразумѣваемъ подъ этимъ не какую-либо новую вѣру, а только измѣненный *соціально-религіозный строй* еврейской общины.

Какъ старо-евреи, такъ и евреи-Гиллелиты исповѣдуютъ вѣру *Моисея*, духъ которой вполнѣ ясно выраженъ въ Библии (преимущественно въ книгахъ пророковъ). Гиллелиты отличаются отъ старо-евреевъ только способомъ *толкованія* религіи, заповѣданной намъ Моисеемъ. Въ то время, какъ старо-евреи толкуютъ себѣ всѣ слова Моисея *буквально*, Гиллелиты толкуютъ ихъ по ихъ *духу*. А такъ какъ книги Моисея кромѣ его религіи содержатъ въ себѣ еще огромную массу постановленій государственныхъ, національныхъ, различныя преданія и аллегоріи, назначенныя исключительно для существовавшего въ то время и находившагося въ извѣстныхъ политическихъ и духовныхъ условіяхъ *древне-израильскаго народа*, то отсюда вытекаетъ, что старо-евреи подъ формою религіи исповѣдуютъ собраніе различныхъ вещей, не имѣющихъ ничего общаго съ религіей и сдѣлавшихся давно уже полнѣйшимъ анахронизмомъ. Гиллелиты же исповѣдуютъ только чистую *религію* Моисея, которая не зависитъ ни отъ какой національности, ни территоріи.

Изъ всего сказаннаго нами уже вполнѣ ясно видно, что такое Гиллелизмъ. Это есть та же самая религія Моисея, что у талмудистовъ и караимовъ, но истолковываемая не по *буквѣ* Моисеевыхъ словъ, а по ихъ *духу*. Но такъ какъ духъ Моисеевой религіи есть нѣчто неуловимое, разсѣянное по всей Библии, и могъ бы дать поводъ къ самымъ разнорѣчивымъ толкованіямъ, то Гиллелитамъ приходится ясно формулировать этотъ духъ въ видѣ нѣсколькихъ вполнѣ точныхъ принциповъ и формулъ, на которыхъ будетъ основываться вся Гиллелитская религія. Эти принципы, составляющіе собою всю сущность Гиллелизма, слѣдующіе:

1-й Мы чувствуемъ и признаемъ существованіе высшей Силы, управляющей міромъ, и Силу эту мы называемъ Богомъ.

2-й Законы свои Богъ вложилъ въ сердце каждаго человека подъ формою совѣсти; слушайся всегда поэтому голоса совѣсти своей, ибо это есть никогда не умолкающій голосъ Бога.

3-й Сущность всѣхъ законовъ, данныхъ намъ Богомъ, выражается формулой: люби ближняго и поступай съ другими такъ, какъ ты хотѣлъ бы, чтобы другіе поступали съ тобою, и не дѣлай никогда ни явно, ни тайно такихъ поступковъ, о которыхъ твой внутренній голосъ говоритъ тебѣ, что они Богу не нравятся. Всякія же остальные ученія, которыя ты услышишь когда-либо отъ твоихъ учителей и руководителей и которыя не заключаются въ кардинальныхъ трехъ пунктахъ религіи, составляютъ только человѣческіе комментаріи, которые могутъ быть истинны, но могутъ быть и ошибочны.

Для того, чтобы быть Гиллелитомъ, достаточно исповѣдывать вышеупомянутые три пункта, обнимающіе собою всю Гиллелитскую вѣру. Но такъ какъ по слабости человѣческой природы абстрактное ученіе легко забывается, если оно не обставлено извѣстными внѣшними осязательными формами, то Гиллелиты сочли нужнымъ придать своей религіи также извѣстную *внѣшность*, которая связывала бы между собою Гиллелитовъ и постоянно напоминала бы имъ о сущности ихъ религіи. Но третій пунктъ религіи долженъ постоянно напоминать Гиллелитамъ, что эта внѣшняя сторона религіи представляетъ постановленія чисто *человѣческія*, исполненіе которыхъ обязательно только для тѣхъ, кто хочетъ принадлежать не только по духу, но и по внѣшности къ общинѣ Гиллелитовъ. Такъ какъ необходимымъ условіемъ для внѣшнихъ религіозныхъ формъ есть ихъ *одинаковость* для всѣхъ исповѣдующихъ данную религію, то церковь Гиллелитовъ устанавливаетъ общій *Синодъ*, который будетъ устанавливать и регулировать внѣшнія религіозныя формы, обязательныя для всѣхъ общинъ Гиллелитовъ. Такимъ образомъ для всѣхъ, желающихъ принадлежать къ Гиллелитской церкви, къ тремъ духовнымъ пунктамъ Гиллелитской *вѣры* присоединяется еще слѣдующій пунктъ Гиллелитской *церкви*:

1-й Всякій, желающій принадлежать къ церкви Гиллелитовъ, долженъ исполнять религіозныя постановленія единого и общаго Гиллелитскаго Синода; но постановленія Синода обязательны только для *храмовъ и общинъ*, а для частныхъ лицъ только *въ ихъ сношеніяхъ съ церковью*; всякія же постановленія Синода, касающіеся *частной жизни* Гиллелитовъ, предлагаются Гиллелитамъ только какъ *рекомендуемыя*, но отнюдь не *обязательныя*. Синодъ долженъ всегда помнить, что онъ призванъ регулировать только религіозныя *обычаи и церемоніи*, но не *законы*.

Когда окажется, что идея Гиллелизма находитъ среди еврейства достаточное сочувствіе, тогда друзья этой идеи должны будутъ приступить къ учрежденію Подготовительнаго Комитета, который начнетъ хлопотать о полученіи для Гиллелизма Правительственной санкціи. Лишь только санкція эта будетъ получена, Подготовительный Комитетъ позаботится объ устройствѣ общаго конгресса первыхъ Гиллелитовъ, который займется учрежденіемъ перваго Синода, выработаетъ всю (по крайней мѣрѣ предварительную) внѣшнюю форму Гиллелитской религіи, установитъ недѣльные и годовые праздники, сущность и ритуалъ богослуженій и различныхъ религіозныхъ торжествъ и обрядовъ, которые однако во всѣ времена должны имѣть характеръ не какихъ-либо религіозныхъ *законовъ*, а только религіозныхъ *обычаевъ*, имѣющихъ цѣлью духовно объединять Гиллелитовъ и давать имъ теплую поэтическую религіозную атмосферу, въ которой они могли бы отдыхать во всякое время отъ холодной прозы жизни и постоянно сообща разрабатывать и укрѣплять въ себѣ чувства истинной религіи, основанной на чистомъ идеализмѣ и нравственности.

Первый конгрессъ Гиллелитовъ будетъ имѣть право дать Гиллелизму ту внѣшнюю форму, которую онъ найдетъ нужной, и этой формы мы, слѣдовательно, предвидѣть съ полной точностью не можемъ. Но для того, чтобы читатели наши могли имѣть болѣе опредѣленное понятіе о *предполагаемой* внѣшней формѣ Гиллелизма, считаемъ не лишнимъ привести здѣсь тѣ соображенія, которыя мы съ своей стороны представимъ по этому дѣлу конгрессу: Такъ какъ по законамъ Гиллелизма установленіе недѣльныхъ и годовыхъ праздниковъ представляетъ только взаимное человѣческое соглашеніе относительно того, чтобы извѣстное число дней въ году посвятить отдыху, богослуженію и нравственному сосредоточиванію, и такъ какъ различныя религіозныя церемоніи тоже не предписаны Божествомъ, а представляютъ чисто человѣческіе произвольные символы, которыми люди условились выражать свое уваженіе къ Божеству, и такъ какъ, слѣдовательно, для Гиллелизма рѣшительно все равно, *какіе* именно дни будутъ назначены праздниками и *какія* именно религіозныя церемоніи будутъ установлены, — то Конгрессу предлагается установить именно *такіе* праздники и церемоніи, которые не шли бы безъ надобности въ разрѣзъ съ установившимися уже привычками и вѣрованіями еврейскихъ массъ и не являлись бы лишнимъ препятствіемъ для перехода этихъ массъ къ Гиллелизму — все это конечно только на столько, на сколько эти праздники и церемоніи не противорѣчатъ законамъ и духу Гиллелизма. Традиціи и обычаи, по скольку они сами по себѣ не противорѣчатъ этикѣ, эстетикѣ и духу Гиллелизма, надо по мѣрѣ возможности не только сохранять, но даже усилить и обставить большею прелестью; ибо масса гораздо легче отказывается отъ *законовъ*, чѣмъ отъ *обычаевъ*; традиціи составляютъ основу всего „священнаго“, безъ традицій невозможна религія. Не входя здѣсь въ подробности, приведемъ только нѣсколько примѣровъ:

1. Библия считается у евреев священной книгой; так как это действительно книга великая, которая положила фундамент монотеизму, на которой нравственно воспитано все цивилизованное человечество, и на которой основан также весь Гиллелизм, то ничто не препятствует и Гиллелизму относиться к ней с подобающим благоговением и каждый раз читать в своих храмах отрывки из нея. Но относиться к ней *дословно* было бы, разумеется, явно противно законам Гиллелизма. Гиллелиты, следовательно, будут читать ее в своих храмах как фундаментальную книгу своей религии, как великий церковный памятник и сокровищницу великих религиозных идей, но согласно третьему пункту своей религии будут считать ее книгой *человеческой*, которая наряду с великими истинами заключает и много посторонней примеси и с которой можно советоваться в религиозных сомнениях, но предписания которой, равно как и вѣра в ее легенды, ни для кого дословно и слѣпо не обязательны.
2. Евреи имеют своим недѣльнымъ праздникомъ субботу. Религия нисколько не препятствует и Гиллелизму оставить этотъ день и обставить его всевозможной торжественностью и уваженіемъ, какъ день, посвященный нами Богу. Не только высоко нравственные обычаи, какъ напримѣръ отдыхъ для нашихъ животныхъ, но и всѣ поэтическія мелочи, вполне гармонирующие съ духомъ Гиллелизма, какъ напримѣръ даже зажиганіе свѣчей въ пятницу вечеромъ и т.п., могутъ быть смѣло сохранены, выражая собою наше уваженіе къ дню, посвященному Богу; но, разумеется, всѣ тѣ запреты и предписанія, которыя у евреевъ являются только дословнымъ и схоластическимъ толкованіемъ Библии какъ буквального предписанія Божества и въ Гиллелизмѣ не имѣли бы смысла и противорѣчили бы его духу — будутъ выброшены. Правда, что при современныхъ условіяхъ празднованіе субботы сопряжено съ большими неудобствами, и явилось бы желаніе перенести этотъ праздникъ на воскресенье; мы считаемъ однако сохраненіе субботы необходимымъ, во первыхъ для того, чтобы не разрушить безъ важной побудительной причины тотъ мостъ, который соединяетъ насъ съ нашими темными братьями, считающими субботу краеугольнымъ камнемъ еврейства, — а во вторыхъ для того, чтобы міръ видѣлъ, что Гиллелизмъ основанъ не на мелкомъ личномъ комфортѣ и желаніи украшать себя чужими перьями и на подобострастномъ поддѣльваніи себя подъ тонъ господствующихъ элементовъ, а на чистомъ, глубококомъ убѣжденіи и великой духовной идеѣ.
3. Въ извѣстные дни года по специально-религиозному календарю евреи празднуютъ Новый Годъ и Судный День. Эти праздники, полные поэзии и вполне гармонирующие съ духомъ осени, могутъ въ Гиллелизмѣ смѣло быть сохранены, по скольку они назначены для нравственного самоконтроля, для даванія себѣ отчета въ прошедшемъ и размысленія надъ будущимъ, для примиренія съ ближними и своею совѣстью; ничто не мѣшаетъ Гиллелизму оставить даже постъ и цѣлодневное пребываніе въ храмѣ, какъ символъ нашего уваженія и покорности и готовности обуздывать свои желанія; можно къ этому присоединить даже необязательную исповѣдь и покаяніе для тѣхъ, у кого сердце и совѣсть чѣмъ-нибудь сильно обременены и нуждаются въ облегченіи; при чемъ все это по законамъ Гиллелизма должно разсматриваться, разумеется, не какъ приказаніе Божіе, а какъ взаимное соглашеніе чисто человѣческое въ знакъ уваженія къ Богу и какъ средство для облегченія своего сердца. Но всякія молитвы о постановленіяхъ Бога объ этихъ дняхъ, о записываніи и печатаніи на небѣ и т. д., какъ противорѣчащія законамъ Гиллелизма, должны быть, разумеется, устранены.
4. Точно также ничто не мѣшаетъ Гиллелизму сохранить и большинство остальныхъ еврейскихъ праздниковъ, но всѣ они будутъ, разумеется, приноровлены къ законамъ и духу Гиллелизма и будутъ носить характеръ *церковный*, отчасти церковно-историческій въ память различныхъ фазъ идеи монотеизма, отчасти природно-жизненный для празднованія весны, лѣта, осени и зимы (Пасха, Пятидесятница, Куци и Ханука); но по духу Гиллелизма они могутъ изображать собою исторію *приверженцевъ еврейской религии*, но отнюдь не должны носить ни малѣйшаго характера *національнаго*.
5. Содержаніе и форма всѣхъ молитвъ, какъ совершенно идущихъ въ разрѣзъ съ духомъ Гиллелизма, должны быть, разумеется, радикально измѣнены отъ начала до конца.
6. Древне-еврейскій языкъ, какъ придающій церкви характеръ узко національный и къ тому же какъ совершенно невысказанный въ настоящее время для свободнаго, сознательнаго и искренняго выраженія своихъ мыслей и молитвъ, долженъ быть, разумеется, устраненъ. (О языкѣ мы скажемъ ниже).

Вы видите такимъ образомъ, любезные читатели, что въ полной конкретной формѣ своей Гиллелизмъ будетъ представлять ту чистую общечеловѣческую религію, о которой мы говорили выше, но одѣтую во внѣшнее платье теперешняго еврейства; но платье это будетъ цѣльное, опредѣленное и чистое, а не полное дыръ и заплатъ, какъ у теперешней еврейской интеллигенціи, которая то хватается безсистемно за какое-нибудь свое лохмотье, то сбрасываетъ съ себя послѣдніе остатки его и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуетъ всю ненормальность и несчастье своей наготы. Это еврейское платье необходимо, ибо иначе наши темные братья видѣли бы въ насъ ренегатовъ, которые изъ-за личныхъ удобствъ, напимѣръ изъ-за ложнаго стыда быть евреями, изъ-за надежды получить права и т. п., отпали совершенно отъ своихъ братьевъ и оставили ихъ на произволъ судьбы; мы оказались бы, слѣдовательно, не пионерами, борющимися за великую идею и увлекающими за собою массы, а просто отщепенцами, уничтожившими всякіе мосты между собою и массою. Правда, что и такъ темная масса наша въ началѣ отнесется къ намъ очень недовѣрчиво и враждебно, какъ относится ребенокъ къ врачу, подносящему ему лѣкарство; но когда эта масса, не способная углубляться въ идею, а судящая только по внѣшности, увидитъ, что мы не удаляемся отъ нея, а напротивъ, приближаемся, что мы не ищемъ для себя личныхъ выгодъ и привиллегій, что мы не только не отрекаемся отъ всѣхъ тѣхъ внѣшностей, которыя по понятіямъ массы составляютъ квинтэссенцію еврейской религіи, а напротивъ, съ совершенно уже нежданной ими силой открыто и съ гордостью убѣжденныхъ людей манифестируемъ нашу принадлежность къ этой религіи; когда она увидитъ, что выбросивъ элементъ національный, который массѣ все равно совершенно непонятенъ и чуждъ, мы укрѣпили элементъ религіозный, который для массы важнѣе всего; когда они увидятъ, что мы, правда, передѣлали текстъ молитвъ и молимся не на древнееврейскомъ языкѣ, но все таки дѣйствительно *молимся* (по крайней мѣрѣ посѣщаемъ богослуженіе), между тѣмъ какъ мы прежде *совершенно* не молились, и что мы молимся именно единому, слѣдовательно по ихъ понятіямъ „еврейскому“ Богу; когда они увидятъ, что люди, которые до сихъ поръ ничего общаго съ религіей не имѣли, теперь съ полною теплотою празднуютъ тѣ же праздники, что и они: — когда они все это увидятъ, тогда они поймутъ, что мы ихъ братья, искренніе и преданные имъ братья; тогда голосъ нашъ будетъ имѣть къ нимъ доступъ, и постепенный, можетъ быть медленный, но за то вѣрный переходъ еврейскихъ массъ съ губительной ложно-національной почвы талмудизма на спасительную нейтрально-человѣческую почву Гиллелизма будетъ вполнѣ обезпеченъ.

Изъ изложенныхъ нами выше принциповъ Гиллелизма вы видите, что Гиллелизмъ въ сущности не есть какая-то секта, а представляетъ собою чистую теософическую религію, которая давно уже исповѣдуется въ душѣ всѣми интеллигентными евреями и которой Гиллелизмъ даетъ только теплую конкретную форму, для того чтобы религія эта могла быть жизнеспособной и постоянно напоминающей о себѣ. Къ религіи этой можетъ со спокойной совѣстью присоединиться всякій нравственный человѣкъ, какихъ бы религіозныхъ убѣжденій онъ до сихъ поръ ни держался. Къ религіи этой можетъ смѣло присоединиться и тотъ, который принципиально отвергаетъ *всякую* религію; ибо не только противъ второго и третьяго пункта Гиллелизма ни одинъ нравственный человѣкъ ничего не можетъ возразить, но даже *первый* пунктъ не задѣваетъ убѣжденій даже самаго упорнаго атеиста, такъ какъ существованія нашему уму непонятной общемировой Силы не отвергаетъ вѣдь и атеистъ, съ тою только разницею, что то, что онъ называетъ природой, мы называемъ именемъ Богъ, нисколько не позволяя себѣ приписывать этой Силѣ какіе-либо выдуманные человѣкомъ атрибуты и предоставляя разуму и сердцу каждаго человѣка толковать себѣ сущность этой Силы какъ ему угодно. Гиллелитъ атеистъ можетъ подъ словомъ Богъ подразумѣвать силы природы и мировую нравственность; Гиллелитъ суевѣрный можетъ рисовать себѣ Бога сидящимъ въ опредѣленномъ мѣстѣ неба и владѣющимъ адомъ и раемъ; и оба они все таки будутъ хорошими Гиллелитами и ни одинъ изъ нихъ не сѣмѣетъ укорять другого въ безбожности, ибо, если они только исполняютъ религіозные законы, ни одинъ изъ нихъ не окажется грѣшнымъ противъ Гиллелитской религіи. Гиллелитъ ребенокъ можетъ вѣрить всевозможнымъ религіознымъ сказкамъ няни; по мѣрѣ подростанія и образованія онъ будетъ отъ этихъ сказокъ постепенно отказываться, а все таки религія его ничуть не будетъ никогда колебаться; онъ никогда не долженъ будетъ сказать себѣ „моя религія была ложная“, а на всякой новой ступени развитія онъ будетъ только говорить себѣ: „я мою религію прежде плохо толковалъ себѣ“. Благодаря отсутствію апріористическихъ догматовъ, Гиллелитская религія никогда не будетъ въ разладѣ съ наукой и со свободнымъ человѣческимъ мышленіемъ. Храмъ Гиллелитовъ будетъ всегда храмомъ чистой философіи; въ немъ безъ всякаго запрета со стороны религіи, а напротивъ, даже отъ ея имени, будутъ свободно разбираться и изучаться вопросы о сущности Бога, о нравственности, о сущности жизни и смерти, о тѣлѣ и духѣ человѣческомъ, объ отношеніи человѣческаго и вообще животнаго „я“ ко всей природѣ и о различныхъ предположеніяхъ относительно судьбы этого „я“ послѣ прекращенія видимой жизни индивидуума; о жизни естественной и поступкахъ противоестественныхъ, о которыхъ третій пунктъ нашей религіи выражается, что они „не нравятся Богу“, и т. п. Только въ храмѣ этомъ, пропитанномъ духомъ взаимной любви и постоянно напоминающемъ намъ о нашемъ ничтожествѣ передъ окружающею насъ великою всемірной Божественною Силою, все будетъ произноситься не отталкивающими, заносчивыми и холодящими устами патентованной науки, а теплыми устами сердца, устами чующаго правду внутренняго голоса, устами истинной мудрости, доступной одинаково самому образованному ученому и самому необразованному мужику, той истинной мудрости, которую мы находимъ у великихъ философовъ всѣхъ временъ и всѣхъ степеней образованія и которая сѣетъ вокругъ себя не отчаяніе и страданія, а душевное спокойствіе и счастье. Богослуженіе и обряды въ этомъ храмѣ будутъ только объединяющимъ, согрѣвающимъ и настраивающимъ *фономъ*; сущностью же будутъ проповѣди, рѣчи и чтенія, обнимающія собою всѣ стороны духовнаго міра человѣческаго.

Гиллелизмъ имѣетъ несомнѣнно огромную будущность передъ собою. Основанный не на временномъ уровнѣ интеллигенціи своихъ адептовъ, не на какихъ-либо временно господствующихъ доктринахъ или настроеніяхъ толпы, не на темнотѣ человѣческой, а единственно на сердцѣ и разумѣ человѣческомъ, подлежащихъ повсюду и всегда однимъ и тѣмъ же законамъ, Гиллелизмъ, разъ пустивши корни, никогда уже не ослабнетъ, никогда не поколеблется, никогда не будетъ бояться свѣта и бороться съ наукой, никогда не будетъ подвергать людей тѣмъ страданіямъ отъ внутренней борьбы, которымъ, по мѣрѣ прогресса цивилизаціи, подвергала людей талмудическая еврейская религія. Гиллелизмъ будетъ жить такъ долго, пока будетъ жить человѣчество, и будетъ для всѣхъ грядущихъ еврейскихъ поколѣній вѣчнымъ, не изсякающимъ источникомъ нравственной теплоты и свѣта. Религія эта одинаково подходитъ для самаго дикаго африканца и для самаго образованнаго европейца, для самаго темнаго представителя временъ доисторическихъ и для самаго свѣтлаго представителя самыхъ отдаленныхъ временъ будущаго. Ибо она не зависитъ ни отъ какихъ національныхъ особенностей, ни отъ мѣста, ни отъ времени, ни отъ степени развитія, и, не скованная никакими апріористическими узами, а основанная исключительно на сердцѣ и разумѣ человѣческомъ, будетъ всегда приноравливаться къ совершенствующимся требованіямъ сердца и разума.

Прежде чѣмъ перейти къ анализу значенія Гиллелизма для еврейскаго вопроса, мы должны разсмотрѣть вопросъ о *національности* Гиллелитовъ. Такъ какъ мы доказали, что теперешнее еврейство называетъ себя народомъ безъ всякаго основанія, исключительно только вслѣдствіе ненормальнаго соціально-религіознаго строя своего, а Гиллелизмъ эту ненормальность устраняетъ, то у Гиллелитовъ вполне естественно явилось бы желаніе называть себя отнынѣ „русскими“, „нѣмцами“ и т. п. Это однако было бы огромный промахъ. Подъ вліяніемъ ненормальнаго религіознаго строя въ теченіе двадцати вѣковъ понятіе о томъ, что мы составляемъ особую человѣческую группу, не имѣющую ничего общаго съ существующими національностями, такъ вошло въ плоть и кровь какъ у насъ, такъ и у нашихъ окружающихъ, что всякое внезапное выступленіе противъ этого понятія было бы донкихотствомъ, которое дало бы слѣдующія послѣдствія: 1) евреи смотрѣли бы на насъ какъ на „отпавшихъ“, которые стыдятся своихъ братьевъ, не хотятъ съ ними дѣлить ихъ страданія и перешли изъ лагеря битыхъ въ лагерь бьющихъ; 2) не-евреи смотрѣли бы на насъ, какъ на подозрительныхъ лицемѣровъ, которые, оставаясь въ сущности евреями, надѣли на себя маску и непрошеннымъ образомъ насильно суются въ чужую семью. Насъ презирали бы и евреи, и не-евреи. Наше нравственное положеніе было бы самое плачевное, и черезъ нѣсколько лѣтъ Гиллелиты не выдержали бы и совершенно отпали бы отъ еврейства. Остерегайтесь подобнаго промаха! Въ теченіе двадцати вѣковъ мы составляли особую группу людей, — такую же особую группу мы должны составлять собою и теперь. Пуше огня мы должны опасаться всего того, что похоже было бы на эгоистическое отпаденіе, лицемѣріе, заискиваніе.

Заколдованные ненормальнымъ строемъ нашей религіи, мы спали крѣпкимъ сномъ въ теченіе двадцати вѣковъ, и во снѣ этомъ мы все бредили о національности нашихъ предковъ, о языкѣ нашихъ предковъ, и совершенно не замѣчали, что всякая національная почва совершенно ушла изъ-подъ нашихъ ногъ; а пока мы спали этимъ крѣпкимъ сномъ и держали свою религію въ каменной скорлупѣ, чтобы она нигдѣ не могла привиться, народы кругомъ насъ формировались и окрѣпли, каждый изъ нихъ соединилъ себя съ какою-нибудь опредѣленною религіею, и теперь, куда бы мы ни постучались, ворота повсюду для насъ закрыты. Не рвитесь насильно въ эти ворота, потому что это ворота *семейныя*! Въ то время какъ вторженіе въ чужія *территоріи*, практикуемое въ исторіи сплошь да рядомъ, оправдывается необходимостью гдѣ-нибудь существовать и невозможностью висѣть внѣ земнаго шара, — насильственное навязываніе себя какой-нибудь *семьѣ* всегда остается позорнымъ. Для того чтобы охранить себя отъ всякаго искушенія навязывать себя тѣмъ народамъ, которые считаютъ насъ своими братьями не хотятъ, мы должны попрежнему называть себя *особымъ народомъ, народомъ еврейскимъ*, но только измѣнить характеръ этого народа такъ, чтобы онъ не имѣлъ въ себѣ ничего нездороваго, ничего шаткаго, ничего фальшиваго, чтобы онъ могъ жить и развиваться нормально, подобно всѣмъ другимъ человѣческимъ группамъ.

Но, какъ мы уже говорили, измѣнить групповой характеръ всего теперешняго еврейства мы не имѣемъ никакой возможности, такъ какъ нѣтъ такого учрежденія, которое могло бы всему еврейству предписывать законы. Мы можемъ, слѣдовательно, только сдѣлать слѣдующее: на лонѣ самого такъ называемаго еврейскаго народа (но отнюдь не выпадая изъ него!) создать общину нормальную, освобожденную отъ всѣхъ тѣхъ недостатковъ, которые составляютъ всю причину и сущность еврейскаго голуса, и предоставить этой общинѣ постепенно всасывать въ себя и оздоравливать въ своей атмосферѣ все бѣльшія и бѣльшія массы еврейства, до тѣхъ поръ, пока наконецъ все еврейство не превратится въ группу вполне нормальную, здоровую и всѣми уважаемую. Слѣдовательно, если Гиллелита спросятъ, къ какой національности онъ принадлежитъ, онъ не долженъ сказать „я русскій, нѣмецъ“ и т. п., ибо это было бы фальшь, это было бы позорное навязываніе себя чужой *семьѣ*, которая его считаетъ своимъ не хочетъ; онъ не долженъ сказать „я Гиллелитъ“, ибо это приучало бы его смотрѣть на себя какъ на нѣчто особое, стоящее *внѣ* еврейства, и раньше или позже склонило бы его совершенно отдѣлать себя отъ той массы темныхъ братьевъ, которые не безъ основанія предполагаютъ за собою общее съ нимъ происхожденіе, которые вмѣстѣ съ нимъ страдали въ теченіе тысячелѣтій и должны всегда имѣть въ немъ своего натурального опекуна; онъ долженъ сказать „я еврей“. И только тогда, когда его спросятъ, къ какой *партіи* еврейской онъ принадлежитъ, онъ скажетъ: „я Гиллелитъ“.

Итак, что такое Гиллелизм и какова цѣль его? На лонѣ той національно-безпочвенной, расшатанной и во всѣхъ отношеніяхъ ненормальной, а потому и вѣчно страдающей человѣческой группы, которая называется еврействомъ, Гиллелиты творятъ собою нормальную общину, которая, будучи лишена тѣхъ элементовъ, которые составляютъ причину и сущность еврейскаго голуса, будетъ представлять собою духовный пріютъ, здоровую духовную семью для всякаго, кто гдѣ-либо на земномъ шарѣ страдаетъ за свою еврейскую религію или еврейское происхождение. Подчеркиваемъ слово „духовный пріютъ”, ибо *это* именно и есть то, въ чемъ евреи нуждаются больше всего; *матеріальный* же пріютъ хотя и желателенъ, но не играетъ для насъ такой огромной роли, такъ какъ, въ крайнемъ случаѣ, давно уже имѣются вполне готовые и могущественныя страны (напримѣръ Американскіе Штаты), гдѣ евреи не только пользуются безусловно всѣми правами, но гдѣ они имѣютъ полное право считать себя такими же коренными и родными сынами земли, какъ и всѣ остальные жители. Очень много было и есть человѣческихъ группъ, которымъ приходилось переносить всевозможныя страданія; но всѣ онѣ легко освобождались отъ своихъ страданій, потому что причина ихъ страданій находилась *внѣ* ихъ и онѣ могли отъ нея уйти; мы же никогда и нигдѣ устроиться не можемъ, ибо причина нашихъ страданій находится *внутри* насъ и мы повсюду носимъ ее съ собою.

Гиллелизмъ имѣетъ цѣлью создать среди еврейства „нормальный еврейскій народъ” и, постепенно ассимилируя съ собою своихъ братьевъ, превратить мало по малу все еврейство въ нормальную человѣческую группу, которая смотритъ людямъ прямо въ глаза, открыто и гордо выставляетъ передъ всѣми свое ясное, опредѣленное и чистое „я” и свободно развивается и крѣпнетъ по тѣмъ же естественнымъ законамъ, которымъ подчиняется все остальное человѣчество. Для этого Гиллелиты должны устранить изъ своего группового строя тѣ элементы, которые, не имѣя въ себѣ абсолютно ничего возвышеннаго и достойнаго сохраненія, составляютъ только причину и сущность еврейскаго голуса. Подробному разбору этихъ элементовъ мы посвятили всю первую половину нашей статьи, поэтому здѣсь мы припомнимъ ихъ только въ краткихъ словахъ. Элементы эти слѣдующіе:

1. Спаянность нашей религіи съ національностью и территоріей ея основателей и вытекающая изъ этого окаменѣлость ея и вѣчная прикованность наша къ трупамъ давно исчезнувшаго государства и народа. — Это есть основная и единственная *причина* вѣчнаго голуса; для еврейства какъ *цѣлости* вполне достаточно устраненія этого *одного* элемента, и будущіе евреи будутъ уже людьми вполне нормальными и здоровыми, подобно христіанамъ, магометанамъ и всѣмъ другимъ вѣроисповѣднымъ группамъ; но для насъ, *теперешнихъ* евреевъ, устраненія одной только *причины* голуса уже не достаточно, мы должны излѣчить себя отъ того тяжелаго *послѣдствія*, которое голусъ оставилъ на насъ, а это послѣдствіе есть:

2. Полнѣйшая потеря всякой національности и висѣніе въ національномъ отношеніи между небомъ и землею, т. е. неимѣніе своей собственной національности и невозможность влиться въ національности существующія. Слѣдовательно, Гиллелитская община, желающая положить собою начало будущему нормальному и здоровому еврейскому народу, должна носить слѣдующій характеръ:

1. Религія ея, стараясь по мѣрѣ возможности не сходить съ почвы унаслѣдованныхъ традицій, обычаевъ и привычекъ, не должна заключать въ своей сущности ничего генеалогически-національнаго или территоріальнаго, такъ чтобы она съ одной стороны могла свободно развиваться и распространяться, а съ другой стороны перестала бы служить во всемъ вѣчною помѣхою своимъ адептамъ.

2. Національность ея, находясь въ полнѣйшей независимости отъ религіи, должна быть ясно и опредѣленно выражена дѣйствительными, національными признаками, а не фиктивными, религіозными, для того чтобы евреямъ не нужно было уже упорно держаться анахроническихъ и всякій смыслъ потерявшихъ формъ своей религіи, какъ единственной взаимной связи, и для того чтобы они перестали висѣть между небомъ и землею и быть постоянно безпаспортными бродягами, стоящими внѣ всякихъ народныхъ группъ, постоянно навязывающими себя то одной, то другой группѣ и отталкиваемыми каждой изъ этихъ группъ.

О первомъ пунктѣ мы говорили подробно въ главѣ о религіи Гиллелитовъ. Намъ остается поговорить только о второмъ пунктѣ.

Будущіе Гиллелиты будутъ имѣть возможность причислять себя (если они захотятъ) къ *различнымъ* народамъ, такъ какъ они будутъ рекрутироваться (въ тѣхъ странахъ, гдѣ это закономъ дозволено) изъ *различныхъ* народовъ, а безнаціональный Гиллелизмъ не заставитъ никого изъ нихъ отречься отъ своей народности. *Теперешніе* же Гиллелиты, оставшіеся въ силу историческихъ обстоятельствъ безъ всякой національной почвы, не имѣющіе своего собственнаго народа и не имѣющіе никакой возможности влиться въ другіе народы, должны создать изъ себя особый народъ. Большинство евреевъ традиціоннымъ образомъ держится, правда, еще того мнѣнія, что евреи и теперь составляютъ народъ; но это, какъ мы въ своемъ мѣстѣ показали, мнѣніе вполнѣ ошибочное. Люди разбросанные по всему міру, не понимающіе другъ друга, связанные между собою единственно только общностью религіи и предполагающіе у себя — опять таки только на основаніи религіи — общность происхожденія, называютъ себя еврейскимъ народомъ; но *называть* себя народомъ не есть еще *быть* народомъ. Самый основной и элементарный признакъ, объединяющій людей въ народъ, есть *языкъ*. Можно быть народомъ безъ политической самостоятельности, безъ земли, безъ всего что угодно, но нельзя быть народомъ безъ *языка*, ибо это было бы прямое логическое противорѣчіе. Группа людей, желающая считать себя народомъ, должна прежде всего имѣть свой *языкъ*, иначе она будетъ только *тѣнью* народа, она будетъ народомъ только въ смыслѣ *отрицательномъ*, т. е. всѣ существующіе народы будутъ отречься отъ нея, какъ отъ чего-то чужого, своего же собственнаго „я“ она имѣть не будетъ; всякіе удары, которые достаются народамъ, она будетъ воспринимать въ самой полной мѣрѣ, всякаго же добра, имѣющагося у народовъ, она будетъ совершенно лишена.

Эта безъязычность и вытекающая изъ нея національная безпочвенность есть самое тяжелое несчастіе еврейства. Повторяемъ: „безъязычность“, — ибо тотъ языкъ, который многіе *называютъ* языкомъ евреевъ (древне-еврейскій), какъ извѣстно, совершенно не есть языкомъ евреевъ и евреи на немъ говорить совершенно не умѣютъ, а тѣ жаргоны, которыми говорятъ тѣ или другіе евреи, представляютъ собою только никѣмъ не признаваемыя нарѣчія отдѣльныхъ еврейскихъ группъ, но не еврейства. Эта безъязычность и вытекающая изъ нея національная безличность дѣлаетъ еврейство несчастнымъ рабомъ, созданнымъ только для ударовъ и униженій, но не имѣющимъ права ни на какія радости или уваженіе. Всякіе удары рабъ долженъ принимать на свою спину, всякіе же заработки онъ долженъ отдавать своему господину. Такъ и съ еврействомъ. Сколько бы „ассимиляторы“ ни твердили, что мы русскіе, нѣмцы и т. п., — насъ всегда будутъ считать таковыми только тогда, когда дѣло касается чего-нибудь хорошаго; когда же дѣло касается чего-нибудь дурного, — мы всегда останемся евреями. Если еврей дѣлаетъ что-нибудь дурное, онъ никогда не позоритъ этимъ другого народа, ибо объ немъ въ такомъ случаѣ никто никогда не вздумаетъ сказать „это русскій, это нѣмецъ“ — а всегда скажутъ „это еврей“; для *такихъ* случаевъ еврейскій народъ *существуетъ*; если же еврей отличается какъ писатель, ученый, философъ и т. п., онъ всегда обогащаетъ собою духовную сокровищницу и возвеличиваетъ національное имя *другихъ* народовъ, ибо для *такихъ* случаевъ еврейскаго народа *нѣтъ*; и это даже вполнѣ естественно, и никакіе протесты еврейскихъ націоналистовъ не имѣли бы основанія, такъ какъ вслѣдствіе отсутствія собственнаго языка такіе евреи работаютъ всегда на языкахъ *другихъ* народовъ, слѣдовательно работы и таланты ихъ вполнѣ естественно могутъ служить только къ возвышенію *тѣхъ* народовъ. Такимъ образомъ, въ то время, какъ имя каждаго другого народа все больше и больше возвеличивается, евреи, благодаря отсутствію своего языка, остаются въ глазахъ міра всегда только народомъ состоящимъ изъ одной только черни и не имѣющимъ ни малѣйшихъ заслугъ. Когда мы говоримъ о какомъ-нибудь народѣ (не о *государствѣ*, которое изображаетъ собою только политическій контрактъ, а о *народѣ*!), мы прежде всего думаемъ о его *языкѣ* и *литературѣ*, ибо это то и есть народъ; каждый народъ мы оцѣниваемъ не по числу его головъ и не по силѣ его кулака, а только по тѣмъ духовнымъ богатствамъ, которыя онъ внесъ и вноситъ въ обще-человѣческую сокровищницу, а это послѣднее совершенно не возможно для народа *фиктивнаго*, не имѣющаго собственнаго языка, а слѣдовательно и собственнаго „я“, и вынужденнаго вносить всякій вкладъ подъ чужою фирмою. Впрочемъ даже и на *чужой* нивѣ работать становится для насъ все труднѣе; лишь только о работникѣ узнаютъ, что онъ еврей, его встрѣчаютъ съ презрѣніемъ и враждою: „пиши себѣ на своемъ жидовскомъ языкѣ, для своихъ жидовъ, но не лѣзь въ *нашу* литературу, не коверкай *нашего* языка!“ Извѣстно вѣдь, какъ оттряхиваются теперь нѣмцы даже отъ одного изъ величайшихъ своихъ поэтовъ за то, что онъ былъ евреемъ! Разные бездарные писаки изъ „своихъ“ нападаютъ на титана нѣмецкой литературы, что онъ „ожиговлялъ“ нѣмецкій языкъ! Литературы *своего* народа Гейне не обогатилъ, потому что этотъ народъ не имѣетъ языка, а *чужая* литература говоритъ ему: „ты мнѣ не нуженъ!“ Чѣмъ выше стоитъ языкъ и литература какого-нибудь народа, тѣмъ выше стоитъ и тѣмъ большимъ уваженіемъ пользуется и самъ народъ; мы же, евреи, *совершенно* не имѣющіе своего языка и литературы, находимся вполнѣ естественно въ полномъ презрѣніи у всѣхъ народовъ.

Безъязычность не только не даетъ евреямъ никакой возможности пріобрѣсть себѣ уваженіе народовъ, но она на каждомъ шагу выставяетъ ихъ на позоръ и посмѣяніе. На каждомъ шагу народы злобно издѣваются надъ нами и кричатъ намъ: зачѣмъ ты коверкаешь мой языкъ? гдѣ твой языкъ? говори на своемъ языкѣ и не подшивайся подъ нашу кожу!» Ибо употребленіе нами ихъ языковъ народы объясняютъ себѣ тѣмъ, что мы хотимъ притворяться русскими, французами и т. п., потому что быть евреемъ будто-бы есть что-то очень и очень позорное. Особенно рѣзко выступаетъ несчастіе нашей безъязычности въ мѣстахъ со смѣшаннымъ населеніемъ: тамъ, гдѣ элементы между собою борются и каждый изъ нихъ открыто и гордо стоитъ подъ своимъ знаменемъ, мы являемся просто уже какими-то духовными паразитами безъ всякой чести, подлизывающимися то къ одной, то къ другой изъ чужихъ намъ группъ, и какимъ бы языкомъ мы ни говорили, окружающіе не прощаютъ намъ этого, утверждая, что мы не имѣемъ права на этотъ языкъ. Когда мы говоримъ по русски, насъ презираютъ поляки; когда мы говоримъ по польски, на насъ нападаютъ русскіе; когда мы говоримъ по нѣмецки, насъ бьютъ чехи; когда мы говоримъ по чешски, насъ топчутъ въ грязь нѣмцы; и всякій кричитъ намъ: „чего ты лѣзешь съ чужимъ языкомъ?“ и насъ презираютъ даже тѣ самыя группы, языкомъ которыхъ мы говоримъ, подобно тому, какъ перебѣжчика презираетъ и тотъ лагерь, къ которому онъ перебѣжалъ. На каждомъ шагу встрѣчаются дикія и трагикомическія сцены, которыя страшно унижаютъ достоинство еврейства передъ лицомъ всего міра. Напримѣръ: одинъ сынъ, родившійся въ одномъ городѣ, умѣетъ или хочетъ говорить только по русски, другой, родившійся въ другомъ городѣ — только по польски, а мать и отецъ не владѣютъ хорошо ни однимъ, ни другимъ языкомъ и не могутъ какъ слѣдуетъ изъясняться со своими собственными дѣтьми, а на улицѣ послѣдніе прямо стыдятся говорить со своими родителями! или: и отецъ, и сынъ всегда говорили между собою только по русски, но переселившись (можетъ быть только на время) въ польскій городъ, они поневолѣ должны превратиться въ лицемѣровъ и начать говорить между собою ломанымъ польскимъ языкомъ; ибо въ то время какъ отъ православныхъ никто не вздумаетъ требовать, чтобы они съ перемѣною города перемѣнили свой языкъ, отъ еврея это настойчиво *требуется*, и сохраненіе имъ своего родного языка вмѣняется ему въ преступленіе, разсматривается какъ рабское прилизываніе къ той власти имущей партіи, которая его же выгнала отъ себя!

Да, безъязычность и необходимость пользоваться чужими языками въ то время, какъ міръ, не смотря на всѣ наши попытки ассимилироваться, всегда считалъ и будетъ считать насъ особымъ народомъ, это самое тяжелое несчастіе еврейства. Въ то время какъ національно-локальный характеръ нашей религіи есть единственная и основная причина нашего голуса, безъязычность есть самое тяжелое и позорное *послѣдствіе*, вызванное этой причиной. Поэтому вторымъ основнымъ пунктомъ для той общины, которая желаетъ положить собою начало нормальному еврейскому народу, должно быть: *имѣть свой собственный, ни у кого не заимствуемый и не испрашиваемый языкъ*. На этотъ языкъ всѣ Гиллелиты должны смотрѣть какъ на свой дѣйствительный родной языкъ, на немъ они должны воспитывать своихъ дѣтей съ самага ихъ рожденія, на немъ совершать свои богослуженія, его они должны съ самою горячею любовью лелѣять, его литературу они должны обогащать, о немъ они должны всегда помнить, что это единственный представитель ихъ національнаго „я“ и что чѣмъ выше будетъ стоять ихъ языкъ и литература, тѣмъ болѣшимъ уваженіемъ и счастіемъ будетъ пользоваться ихъ народъ.

Теперь является вопрос, *какой* именно языкъ долженъ сдѣлаться языкомъ Гиллелитовъ. Теоретически отвѣтъ можетъ быть троякій: 1) или языкъ *древне-еврейскій*, 2) или одинъ изъ *жаргоновъ*, употребляемыхъ теперешними евреями (напримѣръ жаргонъ „литовскихъ” евреевъ), 3) или специально созданный для этой цѣли языкъ *нейтральный, искусственный*. На *практикѣ* однако отвѣтъ можетъ быть только одинъ, а именно третій. Древне-еврейскій языкъ, какъ языкъ мертвый и при томъ же дошедшій до насъ не въ полной всесторонности своей, а только въ видѣ очень небольшой литературы повѣствовательнаго и поэтическаго характера, для роли живого народнаго языка абсолютно не годится; даже тѣмъ, которые изучили его вполнѣ основательно, онъ никогда не будетъ имѣть возможности служить живымъ роднымъ языкомъ; а вѣдь и для этого похрамывающаго употребленія основательное изученіе этого языка такъ необычайно трудно, что если бы Гиллелиты назначили его своимъ языкомъ, вступленіе въ общину Гиллелитовъ сдѣлалось бы возможнымъ только для очень маленькой горсти специальныхъ любителей, но никакъ не для обширныхъ массъ. Къ не-эстетическому же и совершенно не обработанному жаргону, какъ извѣстно, чувствуютъ сильное и непреодолимое нерасположеніе и предубѣжденіе даже тѣ, которые владѣютъ имъ, а тѣмъ болѣе не возможно будетъ склонить къ изученію его тѣхъ евреевъ, которые съ даннымъ жаргономъ не имѣютъ ничего общаго и для которыхъ онъ, будучи съ одной стороны труднымъ для изученія, съ другой стороны не представляетъ ничего привлекательнаго. Остается слѣдовательно только языкъ *искусственный*. Уже а ригіоі можно было бы сказать, что языкъ искусственный, въ который мы имѣемъ неограниченное право внести все, что намъ угодно, будетъ самымъ лучшимъ образомъ удовлетворять всѣмъ условіямъ, которыя намъ нужны: мы можемъ его сдѣлать безконечно богатымъ, гибкимъ, полнымъ всѣхъ тѣхъ мелочей, которыя придаютъ языку живость, звучнымъ и чрезвычайно легкимъ. И дѣйствительно, работы послѣднихъ десятилѣтій показали, что такой языкъ не только можетъ существовать и удовлетворять самымъ изысканнымъ требованіямъ, но что онъ — самое главное — до того легокъ, что даже самый необразованный человѣкъ можетъ вполнѣ хорошо овладѣть имъ въ теченіе какой-нибудь недѣли (дѣти же могутъ натуральнымъ путемъ перенять его съ самаго рожденія).

Здѣсь мы должны сказать нѣсколько словъ *pro domo sua*. Обстоятельства заставляютъ насъ выпустить настоящую брошюру подъ *псевдонимомъ*. Но когда случайно тотъ или другой узнаетъ наше имя и узнаетъ при этомъ, что мы принадлежимъ уже давно къ преданнымъ друзьямъ идеи нейтральнаго языка, у него можетъ возникнуть подозрѣніе, что весь планъ Гиллелизма нами выдуманъ специально для того, чтобы содѣйствовать распространенію любимаго нами языка, и что подъ псевдонимомъ мы укрываемся только для того, чтобы читатели не знали, что они имѣютъ дѣло съ преданнымъ приверженцемъ нейтральнаго языка. На это могущее возникнуть подозрѣніе обратилъ наше вниманіе одинъ изъ друзей нашихъ, читавшій нашу брошюру въ рукописи. Опасеніе это основано на дѣйствительномъ знаніи человѣческой природы, съ которой мы должны считаться. Поэтому во избѣжаніе всякаго подозрѣнія, будто мы, укрываясь подъ псевдонимомъ, хотимъ скрыть свои дѣйствительныя привязанности, мы здѣсь *сами* заявляемъ, что мы давно уже принадлежимъ къ самымъ горячимъ друзьямъ идеи нейтральнаго языка. Если это обстоятельство при оцѣнкѣ Гиллелизма можетъ имѣть какое нибудь значеніе, то пусть читатели имъ руководятся.

Да, мы лично очень давно уже принадлежимъ къ самымъ преданнымъ друзьямъ идеи нейтрально-человѣческаго языка. Наша преданность этой идеѣ возникла именно на почвѣ еврейскаго вопроса, ибо, какъ стоящій внѣ всякой націи еврей, мы больше всякаго другого ощущали все проклятіе человѣческаго многоязычія, и изъ всѣхъ еврейскихъ несчастій самымъ тяжелымъ являлась намъ всегда безъязычность евреевъ. Мы чувствовали всегда, что языкъ есть самое священное достояніе человѣка и что этого именно евреи лишены. Не завидно намъ было ни политическое могущество народовъ, ни ихъ богатство, — завидно намъ было ихъ здоровое духовное „я”, ихъ языкъ, ихъ литература. Намъ больно было видѣть, какъ евреямъ приходится коверкать всевозможные языки, ни однимъ изъ нихъ не владѣя какъ слѣдуетъ и ни къ одному изъ нихъ не имѣя возможности привязаться всей душою, такъ какъ каждый такой языкъ является воплощеніемъ какой-нибудь индивидуально-народной и совершенно чуждой евреямъ жизни, духа, исторіи. Подъ вліяніемъ подобныхъ мыслей мы мечтали одно время объ оживленіи древне-еврейскаго языка, а затѣмъ работали усердно въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ надъ жаргономъ; когда же мы убѣдились, что и одно, и другое лишены всякой будущности, мы отдали себя всей душою идеѣ искусственнаго нейтрально-человѣческаго языка и надъ этой идеей съ никогда не охладѣвающей любовью работаемъ уже больше двадцати лѣтъ.

Слѣдуетъ ли Гиллелитамъ принять *существующій* уже нейтральный языкъ или слѣдуетъ выбрать компетентную комиссію, которая займется созданиемъ *новаго* языка — это рѣшить можетъ, разумѣется, только *конгрессъ*. Но каковъ бы языкъ ни былъ, онъ долженъ быть приноровленъ *спеціально къ потребностямъ Гиллелитовъ*; ибо въ то время какъ для всѣхъ народовъ международный языкъ является *роскошью*, онъ для Гиллелитовъ будетъ *хлѣбомъ насущнымъ*. Всѣ народы нуждаются въ искусственномъ языкѣ только для сношеній *внѣшнихъ*, Гиллелиты же будутъ нуждаться в немъ для сношеній *внутреннихъ*; поэтому въ то время какъ существующій теперь языкъ Эсперанто имѣетъ духъ строго *международный*, основанный на одной только чистой *логикѣ*, языкъ Гиллелитовъ долженъ будетъ быть приноровленъ *спеціально къ духу, жизни, образу мыслей и выражений, особенностямъ и привычкамъ тѣхъ людей, которымъ суждено составить собою первый контингентъ Гиллелитовъ*; слѣдовательно, кроме необыкновенной легкости, гибкости, богатства и звучности, онъ долженъ имѣть въ себѣ и слогъ, и весь духъ такого рода, чтобы всякій самый необразованный русско-немецкій еврей, изучивши въ теченіе получаса его грамматику, а въ теченіе нѣсколькихъ дней извѣстный запасъ словъ, могъ сейчасъ же пользоваться языкомъ *вполнѣ свободно и плавно*, какъ своею *родною рѣчью*; чтобы у него не отсутствовало на каждомъ шагу то или другое специальное родное слово или родной оборотъ, къ которымъ онъ привыкъ; чтобы онъ не долженъ былъ задумываться на каждомъ шагу надъ тѣмъ, какъ ему слѣдуетъ выразиться, и чтобы рѣчь у него лилась *вполнѣ плавно и естественно*.

Пунктъ о языкѣ многіе вообще сочтутъ утопіей. „Искусственного языка до сихъ поръ не бывало, *слѣдовательно* онъ невозможенъ”. Мы много и серьезно занимались этимъ вопросомъ и убѣдились не только теоретически, но и практически, что этотъ пунктъ не только возможенъ, но и чрезвычайно легко исполнимъ. Въ этомъ каждый можетъ легко убѣдиться хотя бы изъ упомянутаго нами языка Эсперанто. Кто ознакомился со строемъ этого языка и съ весьма богатою уже литературой его; кто видѣлъ, какъ легко и съ полною точностью на немъ выражаются всевозможные оттѣнки человеческихъ мыслей и чувствъ; кто видѣлъ, какъ отлично и свободно множество людей всевозможныхъ странъ и народовъ на немъ бесѣдуютъ не только письменно, но и устно; кто видѣлъ, какъ даже самые необразованные люди *вполнѣ основательно овладѣваютъ этимъ языкомъ въ теченіе изумительно короткаго времени*: тотъ ни на минуту не будетъ сомнѣваться въ легкой исполнимости нашего пункта о языкѣ, тѣмъ болѣе, что языкъ Гиллелитовъ будетъ еще *спеціально приноровленъ къ образу мыслей и выражений самой значительной группы теперешнихъ евреевъ*. Кто же во всемъ этомъ лично убѣдиться не хочетъ, а предпочитаетъ голословно отрицать возможность *вполнѣ свободнаго и живого употребленія искусственного языка*, тотъ пусть помнитъ, что, если бы это оказалось на практикѣ *неудобоисполнимымъ*, никто *вѣдь* не будетъ заставлять *каждаго Гиллелита говорить непремѣнно только на языкѣ Гиллелитовъ* (какъ никто не запрещаетъ *напримѣръ поляку говорить хотя бы всю жизнь по французски*) и что въ крайнемъ случаѣ достаточно будетъ уже одного только сознанія, что у Гиллелитовъ *имѣется* свой ни у кого не заимствуемый языкъ, которымъ каждый Гиллелитъ *владѣетъ*, и что на этомъ языкѣ совершаются богослуженія у Гиллелитовъ.

„Ассимиляторы” съ озлобленіемъ накинута на насъ: „Послѣ того, какъ авторъ доказаль, что все несчастье евреевъ состоитъ въ томъ, что они не могутъ слиться съ окружающими элементами, и послѣ того какъ онъ устраняетъ изъ еврейской религіи все то, что мѣшаетъ этому слиянію, онъ вдругъ хочетъ обособить евреевъ еще больше, чѣмъ они были до сихъ поръ; даже самые ярые Сіонисты, эти націоналисты par excellence, до сихъ поръ слава Богу довольствовались той *фиктивной* національной связью, которая существуетъ между евреями, а авторъ Гиллелизма хочетъ превратить евреевъ въ *дѣйствительный* особый народъ съ особымъ языкомъ и литературою!”... Успокойтесь, господа! *Окончательнымъ* нашимъ идеаломъ всегда останется дѣйствительное слияніе евреевъ съ народами всего міра, такъ какъ мы убѣждены, что для разсѣяннаго по всему міру еврейства это есть единственный и самый лучший исходъ и что въ этомъ слияніи, изъ котораго должно выйти нѣчто великое и спасительное для всего человѣчества, кроется вся миссія еврейскаго народа, который исторіей не даромъ и не безъ цѣли такъ тщательно разсѣянъ по всѣмъ угламъ земного шара. Но такимъ путемъ, по которому *вы* идете, слияніе никогда достигнуто не будетъ. Съ устраненіемъ ненормальнаго религіознаго строя Гиллелизмъ даетъ еврейству возможность взаимнаго всасыванія съ окружающими элементами; но *способъ* этого всасыванія не для всѣхъ народовъ одинаковъ, какъ мы видѣли выше, разбирая тѣ историческіе законы, по которымъ происходило взаимное всасываніе народовъ. Иного рода было это всасываніе у потомковъ цивилизованныхъ Римлянъ, а иного рода у какого-нибудь ничтожнаго полудикаго народца; и еслибы первые старались всасываться такимъ способомъ, какимъ всасывались послѣдніе, это былъ бы абсурдъ. Мелкія, безродныя и безкультурныя человѣческія группы, могутъ просто *вливаться* въ окружающіе элементы; ихъ нѣкоторое время толкаютъ отъ себя, гонятъ, презираютъ, смѣются надъ ними, но они цѣлуютъ ручки, затираютъ свою физиономію и мало по малу безслѣдно всасываются. Но такая древняя и высоко культурная человѣческая группа, какъ еврейство, группа, въ которой уже много вѣковъ всѣ члены, даже самые нисшіе, отличаются поголовною грамотностью и значительною степенью интеллигенціи, группа, которая въ теченіе тысячелѣтій геройски боролась за свои идеалы, — такая группа не можетъ слиться съ окружающими элементами путемъ простого *вливанія* себя и самоотреченія. Унизительнымъ напрашиваніемъ себя въ чужую семью мы никогда ничего кромѣ презрѣнія не достигнемъ. Мы можемъ стремиться къ слиянію съ народами только путемъ *почетнымъ* и на почвѣ *нейтральной*. Такую нейтральную и почетную почву и дасть именно тотъ повидимому шовинистически націонализированный, а въ дѣйствительности только *нейтрализованный* „нормальный еврейскій народъ”, которому мы желаемъ положить начало.

Всмотритесь дѣйствительно въ характеръ этого народа, и увидите слѣдующее: евреямъ онъ даетъ тотъ теплый духовный пріютъ, то духовное равновѣсіе, котораго они лишены были въ теченіе многихъ вѣковъ; всѣми отталкиваемыхъ національныхъ беспочвенниковъ онъ превращаетъ въ нормальный, почетный, никому не навязывающій себя народъ. Но что это будетъ за народъ? Посмотримъ. Это не будетъ уже больше тотъ окаменѣлый псевдо-народъ, который по самому строю своему не допускаетъ ни малѣйшей диффузіи съ окружающими элементами, который называлъ себя не иначе, какъ сынами Якова, который имѣлъ религію специально созданную только для сыновъ Якова. Правда, что изъ народа *фиктивнаго*, не дающаго своимъ членамъ никакой опоры, онъ превратится въ народъ *реальный*, въ дѣйствительную, связанную между собою реальными узами братскую семью; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ изъ народа *генеалогически-локальнаго* превратится въ народъ *идейный, нейтрально-человѣческій*. Этотъ народъ не будетъ имѣть въ себѣ ничего территориальнаго, такъ какъ разсѣянныя по всему міру члены его будутъ имѣть каждый свою натуральную родину; религія этого народа не будетъ имѣть ничего общаго съ какою-нибудь территоріей, ни съ какимъ-либо родомъ или племенемъ, а будетъ носить характеръ нейтрально-человѣческій, и каждый желающій, какого бы происхожденія онъ ни былъ, будетъ имѣть возможность принадлежать къ ней; языкъ этого народа не будетъ ни для кого чужимъ, наслѣдіемъ чужихъ предковъ, онъ будетъ нейтрально-человѣческій. Исторія этого народа, отъ которой сыны его не будутъ отрекаться, а напротивъ, будутъ изучать ее съ любовью и гордостью, не будетъ уже какой-то исторіей замкнутаго рода, а исторіей нейтрально-человѣческой группы, которая началась въ формѣ локально-родовой (древній періодъ), затѣмъ приняла форму идейную, но все еще замкнутую остатками родословной рамки (средній періодъ) и наконецъ перешла въ форму чисто идейную, для всѣхъ доступную, нейтрально-человѣческую (новый періодъ). Всякія естественныя стѣны, замыкающія каждый народъ отъ всѣхъ другихъ народовъ и вызывающія взаимную вражду между народами, въ „нормальномъ еврейскомъ народѣ” будутъ отсутствовать, и ту способность, которой еврейство до сихъ поръ было совершенно лишено, оно получитъ теперь въ самой высокой степени, — а именно: способность *всасывать*.

Гиллелизмъ, какъ вы видите, слѣдовательно, нисколько не отрываетъ евреевъ отъ ихъ натуральной родины, не отдѣляетъ ихъ китайской стѣной отъ окружающихъ элементовъ, какъ нѣчто инородное, враждебное; онъ только избавляетъ евреевъ отъ унижительнаго навязыванія себя тѣмъ группамъ, которыя ихъ считать своими не хотятъ, и ставитъ евреевъ на почву нейтральную, на которой не должно быть ни вражды, ни шовинизма, на ту имѣющую передъ собою огромную будущность почву нейтрально-человѣческую, на которой раньше или позже сойдутся и сольются между собою всѣ народы. И между Гиллелитами вѣроятно найдется много шовинистовъ, но это будутъ уже не шовинисты *рода*, а шовинисты *группы*, шовинисты *идеи*. И на нейтрально-человѣческой почвѣ будущаго еврействъ суждено быть не ненавистными пришлецами, а первыми и самыми заслуженными пионерами. Въ этотъ народъ будущаго, въ этотъ языкъ будущаго, въ этотъ духовный пріютъ, которому суждено положить начало будущему объединенному человѣчеству, евреи поневолѣ вложить всѣ свои старанія, всѣ свои надежды, всю свою жизнь, и будущія поколѣнія будутъ имъ за это вѣчно благодарны и будутъ благословлять судьбу за то, что она разсыяла работниковъ по всему міру и силою обстоятельствъ *заставила* ихъ построить, ради собственного спасенія, тотъ общечеловѣческій пріютъ, для *добровольной* постройки котораго у народовъ не хватало бы инициативы. Гиллелизмомъ закончится великая историческая миссія еврейскаго народа....

V.

Религія Гиллелитовъ устранить основную и вѣчно дѣйствующую *причину* еврейскаго гонимости, а языкъ Гиллелитовъ устранить самое тяжелое *послѣдствіе* этого гонимости. Пурификація и нейтрализація религіи и языка превратитъ евреевъ въ идейный нейтрально-человѣческій народъ, который не будетъ уже больше подобно Крыловскимъ гусямъ оглядываться постоянно на давно минувшее *прошлое*, а которому предстоитъ великое и славное *будущее*. Но для того, чтобы спасительное дѣйствіе Гиллелизма могло наступить какъ можно *раньше* и *полнѣе*, было бы очень полезно, чтобы Гиллелизмъ какъ можно раньше получилъ гдѣ-нибудь первую *точку опоры*, т. е. такую территорію, гдѣ не только Гиллелизмъ пользовался бы полнѣйшими гражданскими правами и полной свободой дѣйствій, но гдѣ еврей-Гиллелиты составляли бы огромное *большинство* населенія, какъ городского, такъ и сельскаго, т. е. такую территорію, гдѣ каждый исповѣдующій еврейскую религію могъ бы себя чувствовать вполне „у себя“; территорію, которая впредь до надлежащаго окрѣпленія Гиллелизма въ мірѣ, могла бы служить убѣжищемъ для всякаго, кто гдѣ-нибудь на земномъ шарѣ въ томъ или другомъ отношеніи страдаетъ за свою еврейскую религію; новую родину для всѣхъ тѣхъ евреевъ, для которыхъ старая родина является мачихой, которые не имѣютъ терпѣнія или возможности ждать лучшаго времени на своей старой родинѣ, или которые хотѣли бы жить и умереть среди своихъ единовѣрцевъ, въ городахъ и селахъ, построенныхъ ихъ единовѣрцами, и ими же управляемыхъ. Для *теперешнихъ* евреевъ, какъ мы въ своемъ мѣстѣ доказали, подобное убѣжище невозможно, потому что они скованы цѣпями, которыя никогда ни на какомъ мѣстѣ земного шара не позволяютъ имъ укрѣпиться и повсюду и навѣки заставляютъ ихъ быть чужими, какою-то недоступною и ненавистною для всѣхъ окаменѣlostью; для Гиллелитовъ же, освобожденныхъ отъ той скорлупы, которая составляетъ все несчастье еврейства, пріобрѣтеніе первой точки опоры будетъ дѣломъ чрезвычайно легкимъ. Подобную точку опоры евреи давнымъ давно уже имѣли бы, еслибы имъ не мѣшала ненормальный строй ихъ религіи. Горсть финикіанъ, лишившись родины, основала могущественный Карѣагенъ, горсть разгромленныхъ Троянцевъ основала великій Римъ, горсть изгнанныхъ голландцевъ основала южно-африканскія республики, горсть различныхъ преслѣдуемыхъ протестантовъ основала могущественныя Американскія Штаты, и т. д., и т. д. Повсюду за разгромленною жизнью слѣдуетъ новая нормальная жизнь... только мы одни въ теченіе 2000 лѣтъ на всемъ земномъ шарѣ не могли найти пріюта, потому что куда бы мы ни прибыли, тѣнь Палестины, впаянная въ нашу религію, заставляетъ насъ считать себя чужими и временными, а религіозно-генеалогическая скорлупа дѣлаетъ для насъ невозможнымъ всякое вліяніе на окружающіе элементы, и въ добавокъ ко всему этому многочисленные религіозныя запреты и постановленія, которыхъ никто не властенъ отмѣнить, дѣлаетъ для насъ всякую попытку къ самостоятельной практической жизни совершенно невозможной. Гиллелизмъ сниметъ съ евреевъ злосчастныя оковы, и потому то, что для талмудистовъ было всегда невозможнымъ, для Гиллелитовъ сдѣлается чрезвычайно легкимъ.

Стоит только конгрессу Гиллелитовъ выбрать какую-нибудь опредѣленную мѣстность (напримѣръ въ Канадѣ, Штатахъ, Аргентинѣ и т. п.), объявить ее разъ на всегда центромъ гиллелитскаго еврейства — и все остальное скоро рѣшится само собою. Конечно, выборъ мѣста будетъ сдѣланъ не зря, а только послѣ предварительнаго тщательнаго изслѣдованія и только тогда, когда число Гиллелитовъ будетъ достаточно велико, чтобы выборъ конгресса имѣлъ въ глазахъ Гиллелитовъ авторитетное значеніе. Всѣ Гиллелиты будутъ тогда знать, куда имъ слѣдуетъ переселиться, если старая родина ихъ давить и если они хотятъ жить въ такомъ краѣ, гдѣ ихъ религія преобладаетъ и пользуется полной свободой и почетомъ. Сами по себѣ и безъ всякихъ усилій — а тѣмъ паче еще при нѣкоторой поддержкѣ со стороны евреевъ другихъ странъ — на избранной территории начнутъ быстро возникать города и села, населенныя евреями-Гиллелитами; благодаря высоко этическому и эстетическому характеру Гиллелизма и отсутствію всякой огады, къ религіи своихъ сосѣдей Гиллелитовъ начнутъ скоро присоединяться и многіе мѣстные жители, — и черезъ 10—15 лѣтъ возникнетъ полный формальный еврейскій край, еврейство получитъ крѣпкую точку опоры, пуститъ корни и начнетъ жить и развиваться нормальнымъ и здоровымъ образомъ. И это наступитъ скоро и реально, а не въ какомъ-то отдаленномъ, фантастическомъ и никогда не достижимомъ будущемъ, какъ при Палестинѣ; и въ этомъ краѣ мы будемъ себя чувствовать вполне какъ дома, а не подъ вѣчнымъ контролемъ, неприяностями и запретами на каждомъ шагѣ; и тамъ мы не будемъ вѣчно дрожать, чтобы кто-нибудь не выгналъ насъ и не обрекъ насъ опять на вѣчный голусъ.

Теперь, когда читатели имѣютъ уже полное понятіе о сущности и характерѣ Гиллелизма и о значеніи его для еврейства какъ цѣлости, посмотримъ, какое значеніе Гиллелизмъ будетъ имѣть непосредственно и немедленно для *каждаго отдѣльнаго* еврея, принимающаго принципы Гиллелизма. Мы не будемъ говорить о той небольшой части евреевъ, которая будетъ жить въ упомянутой нами странѣ евреевъ, такъ какъ *ихъ* положеніе будетъ идеальное во *всѣхъ* отношеніяхъ; мы будемъ говорить только о положеніи того имѣющаго для насъ самое важное значеніе огромнаго *большинства* евреевъ, которое, не имѣя возможности или желанія переселиться, должно будетъ остаться навсегда на своихъ теперешнихъ мѣстахъ.

Въ чемъ состоитъ ненормальность нашего положенія и отъ чего мы собственно страдаемъ? Отъ того ли, что мы бѣдны? Нѣтъ, у насъ есть и богачи, и бѣдняки, какъ и у другихъ народовъ, и есть народы, которые въ общемъ бѣднѣе насъ, — а все таки они голуса не имѣютъ. Отъ того ли, что мы лишены гражданскихъ правъ и намъ приходится переносить всякія несправедливости со стороны законовъ? Нѣтъ, ибо это вопросъ не еврейскій, а вопросъ *мѣстный*; раньше или позже евреи получаютъ полныя гражданскія права *повсюду*; а если въ двухъ-трехъ государствахъ имъ приходится еще тяжело и у нихъ нѣтъ терпѣнія дожидаться и добиваться лучшаго времени, то для этого имъ ничуть нѣтъ никакой надобности искать какого-то фантастическаго пріюта въ Палестинѣ, такъ какъ такіе пріюты имѣются во множествѣ уже вполне *готовые* и есть уже очень много странъ, куда евреи могутъ переселиться и пользоваться тамъ безусловно *всѣми* правами, наравнѣ со всѣми другими жителями. Отъ того ли мы страдаемъ, что мы составляемъ повсюду *пришлый элементъ* и поэтому будто-бы имѣемъ мало нравственныхъ правъ на свою родину? Нѣтъ, ибо *всѣ* извѣстные намъ культурные народы составляютъ пришлый элементъ на своей родинѣ; ни одинъ изъ нихъ нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ не жилъ тамъ, гдѣ онъ теперь живетъ, и въ то время, когда мы еще жили въ Азій, всѣ они точно такъ же жили въ той-же Азій. Еслибы наше положеніе въ Европѣ можно было приписывать еще тому ничему не значущему обстоятельству, что мы пришли на нѣсколько сотъ лѣтъ *позже* другихъ, то вѣдь въ какой-нибудь Америкѣ даже и это обстоятельство совершенно отпадаетъ, такъ какъ большинство теперешняго населенія Америки пришло туда *одновременно* съ нами, — а все таки всѣ чувствуютъ себя тамъ отлично, а мы и *тамъ* чувствуемъ себя нехорошо. Еслибы мы страдали отъ того, что мы живемъ будто-бы на „чужой“ землѣ, а не на „землѣ нашихъ предковъ“, то въ такомъ случаѣ всѣ жители Америки должны были бы страдать гораздо больше нашего, ибо въ то время, какъ большинство изъ насъ живетъ вѣдь въ дѣйствительности въ той странѣ, въ которой жили наши отцы, дѣды и прадеды въ теченіе многихъ сотенъ лѣтъ, огромное большинство Американцевъ знаютъ очень хорошо, что ихъ дѣды съ ихъ теперешней страной не имѣли ничего общаго. Отъ того ли мы страдаемъ, что у насъ нѣтъ „собственнаго государства?“ Нѣтъ, ибо въ такомъ случаѣ въ положеніи совершенно подобномъ нашему находились бы и поляки и многіе другіе, — а между тѣмъ какая огромная разница между нашимъ положеніемъ и положеніемъ напримѣръ поляковъ!

Остается еще только одно обстоятельство, которое могло бы объяснить ненормальность нашего положения, — это тот факт, что мы повсюду составляем *меньшинство*. Лѣтъ двадцать тому назадъ мы лично были вполне увѣрены, что въ этомъ фактѣ кроется вся сущность еврейскаго вопроса. Исходя изъ того всѣмъ извѣстнаго факта, что „у сильного всегда безсильный виноватъ“, что меньшинство всегда во всемъ виновато, а большинство всегда во всемъ право, хотя бы меньшинство и стояло во всѣхъ отношеніяхъ гораздо выше большинства, — мы находили тогда единственнымъ спасеніемъ для еврейства, чтобы евреи гдѣ-нибудь на какомъ-нибудь клочкѣ земного шара постарались составить собою *большинство*, а слѣдовательно и *силу*. Но дальнѣйшія размышленія убѣдили насъ впоследствии, что и не въ меньшинствѣ нашемъ кроется сущность еврейскихъ страданій. Для *всѣхъ другихъ* народовъ составленіе гдѣ-нибудь большинства является дѣйствительно самымъ элементарнымъ условіемъ для счастья, и всѣ они всегда инстинктивно стремились и стремятся къ этому; евреи же, благодаря ненормальному строю своей религіи, составляютъ въ этомъ отношеніи *исключеніе*. Никто вѣдь не мѣшалъ никогда и евреямъ селиться *вмѣстѣ*, подобно всѣмъ другимъ человѣческимъ группамъ; имъ не только не мѣшали, но ихъ даже часто прямо *принуждали* къ этому, отводя имъ замкнутую черту осѣдлости. И во многихъ мѣстахъ евреи дѣйствительно вѣдь *составляютъ* большинство, — возьмемъ на примѣръ хотя бы любой литовскій городъ или мѣстечко... Но то, что всѣмъ другимъ людямъ приноситъ счастье, евреямъ приноситъ только страданіе; и большинство даже самыхъ краснбайныхъ еврейскихъ націоналистовъ, фантазирующихъ о землѣ, населенной евреями, чувствуютъ себя очень несчастными, если имъ въ *дѣйствительности* приходится жить въ какомъ-нибудь Бердичевѣ, населенномъ почти исключительно евреями! Если бы въ какомъ-нибудь Бердичевѣ или другомъ подобномъ городѣ на мѣстѣ евреевъ находились поляки или какой-нибудь другой культурный народъ, тогда они, хотя бы даже юридически вполне безправные, въ *дѣйствительности* считали бы себя и ихъ считали бы другіе коренными туземцами, нравственными хозяевами; они задавали бы тонъ, все въ городѣ и окрестностяхъ старалось бы принаравливаться къ ихъ духу и потребностямъ, все польское и католическое пользовалось бы тамъ величайшимъ уваженіемъ и силою, поляки чувствовали бы себя тамъ очень хорошо, самъ городъ занималъ бы почетное культурное мѣсто и содѣйствовалъ бы славлѣ польскаго имени, а тамошніе евреи считали бы для себя величайшимъ счастьемъ быть какъ можно больше похожими на дѣйствительныхъ поляковъ. Евреи же могутъ составлять собою большинство населенія не только въ томъ или другомъ городѣ, но даже и въ цѣлой провинціи, въ какомъ-нибудь цѣломъ краѣ, и положеніе ихъ все таки не измѣнится къ лучшему, и они все останутся тѣми же самыми всѣми презираемыми нулями, и все по прежнему они, какъ въ своихъ собственныхъ, такъ и въ чужихъ глазахъ, останутся всегда чужими пришлецами, бродягами, хотя-бы они жили въ краѣ уже много сотенъ лѣтъ, — а всякій не-еврей будетъ считаться тамъ законнымъ сыномъ земли, хотя бы онъ составлялъ тамъ меньшинство и только вчера пришелъ въ этотъ край. Палестина для насъ теперь фантазія, и поэтому каждый рисуетъ себѣ ее тѣми красками, которыя ему пріятнѣе всего, и намъ кажется, что тамъ былъ бы для насъ рай. И дѣйствительно, первые колонисты въ Палестинѣ чувствуютъ у себя подъемъ духа; но это только оттого, что туда идутъ не средніе представители еврейства, а только спеціальные энтузіасты Палестины, да и тѣ живутъ тамъ той прекрасною *будущностью*, которую ихъ воображеніе разрисовало имъ. Но еслибы фантазія превратилась въ *дѣйствительность* и вся Палестина заселилась бы евреями, тогда — *если групповой характеръ еврейства не будетъ предварительно измѣненъ* — оказалось бы, что Палестина есть ничто иное, какъ новая черта осѣдлости, евреи сами рвались бы оттуда и стыдились бы Палестины, какъ они стыдятся теперь Бердичева.

Нѣтъ, не во *внѣшнихъ* условіяхъ нашей жизни кроется сущность нашихъ страданій, а въ нашей *внутренней* ненормальности. До тѣхъ поръ, пока мы этой *последней* не устранимъ, наши страданія никогда и нигдѣ не окончатся. *Внѣшнія* условія аналогичныя нашимъ мы встрѣчаемъ у очень многихъ людей, но нигдѣ мы не встрѣчаемъ той *внутренней* ненормальности, которая составляетъ всю сущность *нашихъ*, специфически *еврейскихъ* страданій. *Внѣшнія* условія наконецъ каждый изъ насъ можетъ очень легко перемѣнить помимо всякой фантастической Палестины, переселившись на примѣръ въ Америку, гдѣ онъ сразу оказывается во *внѣшнихъ* условіяхъ *вполнѣ нормальныхъ*. Мы страдаемъ не отъ того, что насъ *притѣсняютъ*, а отъ того, что насъ *презираютъ*, а еще больше отъ того, что мы сознаемъ, что это презрѣніе не безосновательно, ибо... вѣдь мы *сами* себя презираемъ, сами себя стыдимся и выказываемъ это на каждомъ шагу, сами лѣземъ на каждомъ шагу къ чужимъ, являемся во всемъ духовными паразитами и... увы, не можемъ поступить иначе! Не отъ того мы страдаемъ, что насъ бьютъ, а отъ того, что мы не можемъ съ гордымъ презрѣніемъ посмотрѣть бьющимъ прямо въ глаза и этимъ себѣ доставить нравственное удовлетвореніе, а бьющихъ обезоружить и заставить уважать насъ.

Каждый порядочный культурный человек, спрошенный, кто он такой, отвечает и может ответить ясно и открыто: „я такой-то“, и этим он производит впечатление определенной человеческой единицы, уважающей себя и требующей уважения к себе, а скопление подобных единиц дает силу, с которой каждый должен считаться; еврей же при подобном вопросе начинает краснеть, увертываться и давать самые запутанные ответы, и этим производит впечатление какого-то бродяги с нечистой совестью, какого-то нравственного нуля; и если этих нулей в каком-нибудь городе или крае имется даже огромное количество, они в сумме все таки дают ноль, на который никто никакого внимания не обращает. Правда, что многие евреи на упомянутый вопрос дают ответ определенный; но во первых ответ этот очень непостоянный, один брат отвечает так, а другой отвечает иначе, и этим подрывается уже всякое доверие к правдивости ответа; во вторых, какой бы ответ еврей ни давал, он всегда оказывается неверным, ненатуральным, полным фальши. Болше или меньше вренет этот ответ только у черни нашей, поэтому мы производим на весь мир впечатление человеческой группы, состоящей из одной только черни, интеллигенция же наша представляется каждому чьм-то происходящим из этой черни, но превратившимся в абсолютный ноль. Когда интеллигентный еврей говорит, что он по *национальности* еврей, ему отвечают: „неправда, ибо где твой язык и твоя литература?“ Когда он говорит, что он еврей только по *религии*, ему опять говорят: „неправда, ибо в таком случае почему же ты не исполняешь своей религии, а стыдишься ее, укрываешься с нею и постоянно твердишь и выказываешь, что она для тебя никакого значения не имеет?“ Когда мы говорим, что наша родина Палестина, это фальшь, ибо не только мы там не родились и не живем, но даже наши прапрадеды никогда этой страны и в глаза не видали; когда мы говорим, что наша родина Россия, нас упрекают в фальши, ибо под влиянием нашей религии мы на каждом шагу утверждаем, что мы в этой стране чужие, временные гости; когда мы говорим, что наш родной язык древне-еврейский, это полнейшая фальшь, ибо мы этим языком совершенно не владем и владеть никогда не будем; когда мы говорим, что наш язык русский — опять таки фальшь, ибо не только русские протестуют против этого, но и мы сами чувствуем, что язык принадлежит той человеческой семье, которая сама его выработала, согласно своему духу и потребностям, а не тем посторонним, которые, не принадлежа к семье, только *пользуются* языком этой семьи, не имея ни малейшего права приравнивать его к своему духу и потребностям; когда мы говорим, что наш язык жаргон — снова фальшь, ибо это только мѣстное и временное нарѣчие, заимствованное у немцев, нарѣчие, котораго ни один интеллигентный еврей своим признавать не хочет, культивировать не думает, в действительности не употребляет и детям по наследству не передает. Словом, как бы мы ни держали себя, кем бы мы не называли себя — все фальшь да фальшь. Когда мы хотим опираться на *свою* национальность или религию, мы находим одну только фикцию и руины; когда мы хотим присоединить себя к чужой нации, мы чувствуем, что эта семья не *наша*, а когда мы об этом пробуем забывать, нам грубо напоминают об этом презрительным отталкиванием. У нас нет никакого облика своего, никакой групповой опоры, никакой почвы под ногами, никакого нравственного равновесия. Это-то есть вся сущность наших страданий, тех специфических, *нам одним* только свойственных страданий, которые одинаково давят и безправного еврея Румынии, и вольного еврейского гражданина Америки. Это-то заставляет нас постоянно и повсюду держать голову опущенной и быть предметом презрения и насмешек для всех людей. Когда евреи дойдут до того, что они — где бы они ни были — будут иметь возможность открыто и гордо, с чистой совестью и без малейшей тени фальши, а следовательно с поднятой головой и с самоуважением, сказать: „я такой-то, моя родина такая-то, мой народ такой-то, мой язык такой-то, моя религия такая-то,“ — тогда еврейский вопрос будет решен. Когда мы дойдем до того, что мы будем иметь возможность *сами* относиться с уважением к той группе, к которой мы себя причисляем, и не будем принуждены своими поступками постоянно отрекаться от нее и стыдливо маскировать ее, — тогда и другие *должны* будут относиться к нам с уважением, и еврейский вопрос будет решен.

Люди, как и животные, нападают на вас тем болше, чем болше вы у них заискиваете и унижаетесь перед ними, но стоит вам обернуться и гордо посмотреть нападающим прямо в глаза, — и тогда они проникаются уважением к вам. Но до сих пор мы к сожалению *не могли* этого делать, потому что мы не имели никакой духовной почвы под ногами. Эту твердую нравственную почву, этот определенный, ясный, ничего фальшивого и позорного в себе не имеющий групповой облик и дает евреям Гиллелизм.

Когда еврей-Гиллелита спросят, кто он такой, он будет иметь возможность ответить открыто и гордо:

„Я еврей! У меня есть родина, которой никто мнѣ оспаривать не можетъ, которой я буду служить вѣрою и правдою и въ которой я свои естественныя права буду отстаивать сознательно и гордо, подобно всѣмъ другимъ моимъ братьямъ по родинѣ”. Родина наша населена различными человѣческими группами, и мы составляемъ нравственно-равноправную одну изъ такихъ группъ, и намъ нѣтъ никакой надобности обезличивать себя въ пользу группъ болѣе сильныхъ. Если въ данной странѣ мы родились, въ ней проводимъ всю жизнь, ея законамъ подчиняемся, если солнце только этой земли насъ всегда грѣло, только ея небо и пейзажи съ самаго дѣтства ласкали нашъ взоръ, если каждый атомъ нашего организма состоитъ исключительно изъ продуктовъ этой земли, возникъ изъ ея почвы, выращенъ ея атмосферой, — то мы коренные сыны этой земли, и сомнѣнія въ этомъ не можетъ быть никакого ни для насъ, ни для нашихъ окружающихъ, если только въ нашемъ общинномъ строѣ, а слѣдовательно и воспитаніи, не будетъ уже больше того элемента, который насильственно заставляетъ насъ съ самаго дѣтства твердить себѣ и искусственно вдалбливать въ себя и въ нашихъ окружающихъ убѣжденіе, что мы на нашей родинѣ чужіе. Родина принадлежитъ всѣмъ ея натуральнымъ и законнымъ сынамъ, не только какое-бы платъ они ни носили и какія бы убѣжденія они ни имѣли, но и къ какой бы рѣлигии они ни принадлежали и какимъ бы языкомъ они ни говорили. *Родина*, (т. е. земля) со всѣмъ этимъ ничего общаго не имѣетъ. Родина не знаетъ ничего о групповыхъ различіяхъ и дрязгахъ своихъ сыновъ, она принадлежитъ всѣмъ тѣмъ, кто на ней родился и на ней имѣетъ могилы своихъ отцовъ и дѣдовъ; сегодня на родинѣ одинъ элементъ преобладаетъ, а завтра могутъ преобладать другіе элементы; одни чувствуютъ себя на родинѣ лучше, другіе хуже, но *право* всѣхъ натуральныхъ сыновъ имѣютъ на нее одинаковое. Не намъ однимъ болѣе сильные элементы оспаривали права на мать-родину: такъ во многихъ мѣстахъ поступали одни элементы съ другими, но повсюду природа и справедливость раньше или позже брали верхъ; мы одни только до сихъ поръ составляли въ этомъ отношеніи исключеніе только потому, что благодаря ложно-территориальному строю нашей религии мы *сами* добровольно отказывались отъ нашихъ правъ на родину.

Сколько бы болѣе сильные элементы на нашей родинѣ ни утверждали, въ силу кулачнаго права, что земля принадлежитъ только имъ, мы все таки будемъ любить свою мать-родину искренно и не будемъ отказываться отъ ни въ чемъ не повинной матери своей за несправедливости, переносимыя нами отъ болѣе сильныхъ братьевъ по родинѣ, а будемъ всегда надѣяться на то, что раньше или позже справедливость возьметъ верхъ и кулачное право однихъ сыновъ родины надъ другими такими же натуральными сынами родины исчезнетъ. Литовскому еврею-Гиллелиту родные берега Нѣмана будутъ такъ же милы и дороги, какъ литовскому поляку-католику или литовскому русскому-православному. Если же, подъ давленіемъ болѣе сильныхъ элементовъ, для кого-нибудь изъ насъ положеніе на родинѣ будетъ невыносимымъ, тогда онъ сдѣлаетъ то, что дѣлаютъ всѣ другіе люди въ подобномъ положеніи, т. е. онъ покинетъ ту страну, въ которой онъ родился и провелъ всю жизнь и гдѣ покоится прахъ его отцовъ и дѣдовъ, и поищетъ для себя и для потомства своего *новой* родины въ такой странѣ, гдѣ его единовѣрцы составляютъ большинство и силу.

„Я еврей!” съ гордымъ самосознаніемъ скажетъ Гиллелитъ; „у меня есть народъ, къ которому я могу причислять себя вполне сознательно, безъ всякой натяжки и софизмовъ; у меня есть религія, которой мнѣ стыдиться нечего, которой я буду оказывать свое уваженіе вполне открыто и которой я не буду больше принужденъ держать вдали отъ дѣтей своихъ, номинально причислять себя къ ней, а поступками своими отречься отъ нея; у меня есть свое имя (конечно не исковерканно-жаргонное, а Гиллелитское), котораго я не заимствовалъ отъ святыхъ чужой церкви и котораго я не стыжусь и не передѣлываю какъ хамелеонъ; у меня есть групповые обычаи, отъ которыхъ мнѣ трусливо отречься нѣтъ надобности; у меня есть прошлое, отъ котораго я не отрекаюсь, и будущее, лишенное всякой туманности и полное самыхъ славныхъ, свѣтлыхъ и возвышенныхъ надеждъ; у меня есть языкъ, съ которымъ мнѣ нигдѣ укрываться нечего, отъ котораго мнѣ отречься не приходится, куда бы меня судьба ни забрасывала, котораго мнѣ ни у какой человѣческой группы испрашивать не приходится, а за которымъ, напротивъ, люди всего земного шара будутъ обращаться ко мнѣ, такъ какъ это будетъ языкъ нейтрально-человѣческой, въ которомъ всѣ народы такъ давно уже нуждаются для взаимныхъ сношеній; у меня есть прекрасно развивающаяся и всему міру легко доступная литература, которую я, не играя уже роли нищаго, пользующагося подаяніями, преподношу народамъ взаменъ за тѣ духовныя богатства, которыя я черпаю отъ нихъ. Ни передъ кѣмъ унижаться, ни у кого заискивать, никому обезьяннически подражать мнѣ не надо, такъ какъ мое групповое „я” вполне ясно и открыто и имѣетъ во всѣхъ отношеніяхъ достаточно данныхъ, чтобы внушать къ себѣ уваженіе окружающихъ. Мои дѣти не будутъ уже больше на всемъ земномъ шарѣ нравственными пасынками съ позорнымъ клеймомъ на челѣ, и если имъ матеріально гдѣ-нибудь придется еще страдать, они по крайней мѣрѣ нравственно будутъ чувствовать себя свободными и гордыми людьми, подобно всѣмъ людямъ.”

Люди скоро поневоле научатся высоко ценить и уважать нас, ибо сущность Гиллелизма, некроющая в каких-то страшных для окружающего мира талмудах и кагалах, будет всегда для всякого вполне ясна и открыта и поневоле будет внушать уважение. Всякий, вошедший в наш храм, поневоле будет относиться к нему с благоговением, всякий, познакомившийся с нашим богатым языком и его быстро расцветавшей литературой, поневоле начнет смотреть на нас как на людей, представляющих собою значительную духовную силу. Если даже нам придется некоторое время еще переносить неприятности, то они уже для нас не будут тягостны, мы будем переносить их гордо и с полным внутренним удовлетворением, сознавая, что мы переносим их не ради какого-то бессодержательного фантома, которого мы сами стыдимся и с которым мы укрываемся, а ради высокой и священной правды, ради великой идеи будущего, перед которой раньше или позже преклонятся все преследователи наши. Имья сознание чистоты и определенности своей в своих собственных глазах и глазах всего мира, мы будем всегда носить свое знамя открыто и гордо и, где бы мы ни были, мы останемся всегда верными своему вполне ясному и определенному знамени, не должны будем укрывать свое „я“ и поддѣлываться под тонь данного места или времени; повсюду мы будем в глазах мира членами всем известной незапятнанной семьи, а не какими-то париями. Мы перестанем быть летучими мышами, которые сами не знают, к какому лагерю животных себя причислить и поэтому презираются и одним классом, и другим.

Бѣда человеку, если он не имеет своей семьи, если он должен постоянно навязываться чужим семьям, если ему нечего любить, не к чему привязаться. Эта духовная неприютность, так сильно ощущаемая еврейской интеллигенцией, и есть вся сущность еврейских страданий. Гиллелизм ее устранить. Чистый, духовно-теплый храм наш, ни у кого не заимствуемый, приношенный к нашему духу и потребностям язык наш, наша литература, наши пѣсни, — все это будет давать нам постоянно такой теплый приют и столько нравственных радостей, что всякая буря жизни будет для нас уже не страшна. Еврейство перестанет наконец быть вечным несчастьем, евреи сдѣлаются похожими на всех остальных людей. У нас будет к чему привязаться душою, у нас будет на что надеяться.

Резюмируем теперь в кратких словах всю сущность нашего проекта:

1. **Очистить еврейскую религию**, для того чтобы она перестала быть для нас вечною помехою во всем, и для того, чтобы каждый из нас мог без лицемерия и самопротиворечия открыто и гордо исповедывать свою религию и воспитывать в ней детей своих.
 2. **Установить для евреев собственный язык**, для того чтобы мы, разь нам судьба уже назначила быть народом, перестали быть вечными нулями и духовными паразитами среди народов.
 3. **Выбрать какое-нибудь определенное место**, где могли бы начать концентрироваться все те евреи, которые почему-либо рѣшаются выселиться из своей натуральной родины и хотели бы жить среди своих.
- А так как нет никакой возможности склонить сразу *все еврейство* принять упомянутые три пункта, то мы должны на лонь еврейства основать *особую общину*, которая устроила бы свою жизнь согласно этим пунктам и затѣм старалась бы всасывать в себя постепенно все остальное еврейство.
-

Въ заключение скажемъ еще нѣсколько словъ о нашемъ отношеніи къ Сіонизму. Мы не имѣемъ ни малѣйшаго намѣренія убѣждать евреевъ вырвать Палестину изъ своего сердца, ибо въ виду той огромной роли, которую Палестина играла въ исторіи еврейства, подобное стремленіе не только оставалось бы навсегда безплоднымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ было бы совершенно противоестественнымъ и безцѣльнымъ. Какъ колыбель нашей исторической группы, нашего „народа“, Палестина будетъ такъ же дорога Гиллелитамъ, какъ и всѣмъ остальнымъ евреямъ, и когда Гиллелиты со временемъ окрѣпнутъ, они вѣроятно будутъ стремиться пріобрѣсть въ свою собственность тотъ клочекъ земли, съ которымъ связаны воспоминанія дѣтства нашего народа. Но у Гиллелитовъ это Палестинофильство будетъ только піетизмомъ, а не рѣшеніемъ еврейскаго вопроса. Когда человѣкъ устроился, обогатилъ надлежащимъ образомъ свой духъ, пріобрѣлъ себѣ матеріальное благосостояніе и всеобщее уваженіе, — тогда онъ можетъ стремиться къ пріобрѣтенію той хаты, въ которой онъ родился и провелъ свои дѣтскіе годы; но если онъ стремленіе къ хатѣ дѣтства превращаетъ въ цѣль своей жизни, если его постоянно преслѣдуетъ *idée fixe*, что жизнь для него возможна только въ хатѣ его дѣтства, что онъ поэтому нигдѣ не долженъ пробовать устроиться, — тогда онъ навѣки останется презрѣннымъ нищимъ, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ духовномъ отношеніи. Гиллелизмъ хочетъ избавить еврейство отъ этой несчастной *idée fixe*, открыть передъ евреями міръ Божій, заставить ихъ стряхнуть свою апатію и дѣятельно взяться за работу надъ собою и своею будущностью; Сіонизмъ же, напротивъ, укрѣпляетъ у евреевъ эту *idée fixe*, которая составляетъ все несчастіе еврейства. Вотъ почему дѣятельность Сіонистовъ сама по себѣ должна была бы быть названа прямо *вредною*. Но къ счастью дѣло обстоитъ иначе, и дѣятельность Сіонистовъ принесетъ еврейству значительную пользу: та полнѣйшая фантазія, которая заключается въ Сіонизмѣ, скоро лопнетъ, какъ мыльный пузырь; но вызванное Сіонизмомъ пробужденіе народнаго (или вѣрнѣе групповаго) самосознанія и стремленія къ спасенію себя останется и принесетъ самые лучшіе плоды. Самъ Сіонизмъ, разъ онъ перешелъ въ руки интеллигенціи, раньше или позже уничтожитъ Сіонъ и спасетъ еврейство.

АДРЕСЪ АВТОРА:

Г. Х. ГЕРМЕЛИНУ ДЛЯ Г.С.,
ВАРШАВА, УЛ. МАРШАЛК. 69